

ТОЛЧЁНЫЙ МЕЛ ПРОФЕССОРА ЦВЕТА

Михаил ШТЕЙНБЕРГ

Отец и сын едут в Россию

В 1896 г. Семен Николаевич Цвет вернулся в Россию. Позади долгая жизнь в Швейцарии, женитьба на итальянке Марии де Дорозца (до этого она жила в семье братьев Жемчужниковых — тех самых, которые вместе с гр. А.К. Толстым «на троих составили» поэта и мыслителя Козьму Прутков), рождение сына и ранняя смерть жены. Сыну, кстати, уже 24 года, в России он никогда не был и по-французски говорит куда лучше, чем по-русски.

Действительно, сколько можно жить в этой Швейцарии? Пора домой... С.Н. Цвет — человек деятельный. Энергию он унаследовал от своего отца: купца, умного и оборотистого коммерсанта. Впрочем, сам С.Н. Цвет к переговорам, кажется, вовсе не склонен и потому сделал карьеру гражданского чиновника. Собственно говоря, и в Россию он едет сейчас по той причине, что совсем недавно, в декабре 1895 г. ему предложили новое место — Цвет-старший назначен управляющим Таврической казенной палатой в Симферополе. Это дела служебные. А для души есть литература — Семен Николаевич лично знаком с И.С. Тургеневым, А.В. Анненковым и Виктором Гюго. Не так давно и сам г-н Цвет написал книжечку под названием «К истории русского нигилизма», конечно, о знаменитом романе своего приятеля Тургенева «Отцы и дети».

И вот теперь отец едет на родину, а сын скоро поедет на родину отца.

Пока Михаил Цвет еще в Швейцарии, ему предстоит защита докторской диссертации.

В России М.С. Цвет никогда не был. Четыре года он учился в коллеже Гайар (Лозанна), потом в Женеве, где в 1891 г. коллеж Св. Антуана выдал ему аттестат зрелости. Затем — физико-математический факультет Женевского университета! Знаменитые профессора К. Фогт и Э. Юнг преподавали биологию, Р. Шода и М. Юри — ботанику, Ш. Соре — физику.

Через два года Михаил Цвет уже бакалавр физических и естественных наук. Его научные интересы лежат в области физиологии растений. Иначе и быть не может: университет города Женевы знаменит своими ботаниками. Бюсты классиков установлены в Ботаническом саду, теплицы и лаборатории оснащены по последнему слову науки и техники. Европа!

А вот и закончена докторская диссертация «Исследование физиологии клетки. Материалы к познанию движения протоплазмы, плазматических мембран и хлоропластов» (научный руководитель — М. Юри). Рецензии на работу: диссертация великолепна!

А сам г-н Цвет-младший уже рассказывает своим швейцарским друзьям о том,

что едет в Россию, домой — не больше и не меньше. Ему предлагали место аспиранта в Генуе, но Цвет отказался: огромная страна (будто по законам физики) роковым образом притягивает к себе молодого ученого. Ничего не поделаешь! Домой, домой — и там работать, в России и для блага России.

...Путь в Симферополь лежит практически через всю европейскую часть Империи. С изумлением швейцарский г-н доктор констатирует: он здесь иностранец. Что? Да ведь здесь и поговорить даже не с кем!

А вот и сам Симферополь. И что за город такой? В Крыму, но далеко от моря. Дома, конечно, каменные, улицы мощеные и шоссированные, образцовая чистота, акации растут. Но что здесь делать ученому человеку? Настроение у Цвета весьма неважное. У заграничного ученого начинается русская хандра.

Все правильно — сколько же можно, в самом деле, человеку бездельничать? И вот, наконец, почта приносит в Симферополь докторский диплом из

Нужно искать работу, а пока из всех возможных источников дохода есть только папины деньги. Гм, получается очень неудобно... Из Симферополя М.С. Цвет едет в Санкт-Петербург. И тут молодому ученому в России впервые улыбается удача: он начинает работать в биологической лаборатории профессора П.Ф. Лесгафта.

Чем кончается столичная жизнь

Петр Францевич Лесгафт — выдающийся врач, анатом и педагог — по доброй традиции образованных людей того времени уже 25 лет состоит под надзором полиции. В 1893 г. он открыл Биологическую лабораторию, в которой теперь М.С. Цвет заведует Ботаническим отделением, занимается исследованиями хлоропластов и читает лекции курсисткам.

Все свое свободное время Михаил Семенович Цвет проводит в лабо-

М.С. Цвет
(14 мая 1872—26 июня 1919)

Швейцарии. Но почтовое ведомство зря старалось: ни европейская магистратура, ни европейская докторская степень на территории Российской Империи не действительны! Здесь экзаменационные требования свои и, как говорят — более строгие. Если какие-то предметы и будут зачтены, то научную карьеру, по большому счету, в России придется начинать сначала. Кто бы мог подумать?

И вот 15 декабря 1899 г. на заседании Ботанического отделения Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей он сделал сообщение «О хлорглобине», а 19 апреля следующего года — доклад «О природе хлорглобина», после которого был избран действительным членом Общества. В 1899 г. М.С. Цвет держит магистерский экзамен в Казанском университете, там же защи-

щает в 1901 г. на тему «Физико-химическое строение хлорофилльного зерна».

Конец работе у Лесгафта пришел несколько неожиданно: 4 марта 1901 г. на площади перед Казанским собором произошел печально знаменитый разгон студенческой демонстрации.

В Питере у бунтующих студентов это было любимое место: еще в 1876 г. они здесь дрались с полицией. Кстати, тогда с зажигательной речью к ним обратился не кто-нибудь, а бывший воронежский кадет Георгий Плеханов.

А сейчас дела обстоят еще хуже.

До революции 1905 г. было еще далеко, но на политическом горизонте России уже сгустились тучи. Немудрая политика министерства народного образования под руководством гр. Делянова привела к тому, что учащая молодежь к началу XX в. стала, выражаясь языком науки биологии, настоящей «питательной средой» для революционных идей любого толка. И, действительно, неприятности не заставили себя долго ждать. На основании знаменитых «Временных правил» (1899) в Киеве 183 студента университета в январе 1901 г. были отданы в солдаты за участие в несанкционированной студенческой сходке. В феврале был убит министр народного просвещения Боголепов.

Студенты волнуются не только в Петербурге, но и в Москве, и в Харькове.

И вот — 4 марта состоялась грандиозная демонстрация возле Казанского собора. Власти, не на шутку перепуганные, явно переусердствовали и применили грубую физическую силу. Результатом силовой акции стало, разумеется, не успокоение в обществе, а нечто обратное. По стране ползут слухи, в газетах опубликовано правительственное сообщение о событиях 4 марта; публикуется «Циркуляр министра внутренних дел по Департаменту полиции, губернаторам, градоначальникам и обер-полицеймейстерам», который предписал навести порядок, «не останавливаясь перед необходимостью действовать строгостью и силой <...> прибегать к содействию войск...»; 12 марта официально сообщается о закрытии Союза взаимопомощи русских писателей. Как и надо было ожидать, в правительственном сообщении о жертвах побоища ничего не говорилось. Но вот известный в то время литератор В.А. Поссе 8 марта писал: «„Правительственному сообщению“ не верьте. Все было совсем иначе и несравненно ужаснее. Несколько студентов убито...».

Реальность была такова. Полиция и казаки по приказу градоначальника Санкт-Петербурга петербургского градоначальника Клейгельса избили участников демонстрации — студентов и курсисток. Сгоряча досталось и кому-то из прохожих, которые пробовали заступиться за молодежь.

Затем, как водится, начались обыски и аресты, на особом подозрении были лица образованного сословия. Из Петербурга О. Л. Книппер уже 5 марта писала А.П. Чехову: «Здесь страшные студенческие беспорядки, опять казаки, нагайки, убитые, раненые, озверелые, все, как быть должно <...> Настроение в обществе ужасное». Чехов пишет ей 18 марта из Ялты: «Получаю письма из Питера и из Москвы, довольно злобные, читаю с отвращением газеты».

Продолжение следует

ТОЛЧЁНЫЙ МЕЛ ПРОФЕССОРА ЦВЕТА

Продолжение. Начало см. № 1

Естественно, прогрессивная общественность возмутилась. Профессор Лесгафт организовал сбор подписей протеста среди видных ученых и литераторов, за что и был выслан на место жительства в Финляндию. Как знать, может быть именно этому событию М.С. Цвет был обязан тем, что покинул Санкт-Петербург? Остался бы он на курсах Лесгафта в том случае, если бы не случились политические волнения в столице?..

Осенью 1901 г. Цвет подает декану физико-математического факультета прошение на оформление приват-доцентом для чтения лекционного курса «История оплодотворения в растительном царстве в связи с вопросами наследственности и изменчивости видов» в Казанском университете. Канцелярская машина заработала, уверенно набирая обороты, но... Может быть, Цвет был по натуре своей не только естественным испытателем, но и путешественником. Может быть, лабораторное оснащение Казанского университета было не на таком высоком уровне, как в Варшаве... М.С. Цвет, в конечном итоге, избирается по конкурсу на должность ассистента кафедры анатомии и физиологии растений Варшавского университета и в январе 1902 г. переезжает в Варшаву — тогда еще русскую провинцию.

В Казани у М.С. Цвета была перспектива занять в скором времени профессорскую должность, а в Варшаве он работает, как мы уже знаем, в качестве ассистента (внештатного лаборанта). Здесь Цвет читает курс общей микробиологии и лишь в 1903 г. становится приват-доцентом. Зато в Варшаве можно просто читать лекции, заниматься лабораторными исследованиями и не отвлекаться на административную работу! Однако за все надо платить свою цену, в том числе и за политическую нестабильность. На этот раз свои коррективы вносит революция 1905 г.: занятия в университете практически прекращаются. Должность за М.С. Цветом сохранена, однако для заработка ему теперь приходится читать лекции по ботанике в Политехническом и Ветеринарном институтах.

Ночует г-н доктор ботаники Женева, а также магистр Императорского Казанского университетов не где-нибудь, а в Ботаническом кабинете, прямо на столе. Но вот бивуачной жизни приходит конец: 16 сентября 1907 г. М.С. Цвет женится на Елене Александровне Трусевич. Это весьма образованная и с очень решительным характером дама. Она крепкой рукой ведет хозяйство и даже успевает помогать Цвету с докторской диссертацией. Над семьей Цветов знакомые добродушно посмеиваются:

— Пани Трусевич с мужем!

А муж 28 ноября 1910 г. защищает диссертацию на тему «Хлорофиллы в растительном и животном мире» и становится первым доктором ботаники

Михаил ШТЕЙНБЕРГ

Императорского Варшавского университета.

Защита этой — которой уже по счету — диссертации Михаила Семеновича проходит великолепно. В своем выступлении на защите оппонент Д.И. Ивановский, очень известный ученый, сказал: «Исследования г-на Цвета производят настоящий переворот в учении о фотосинтетических пигментах и обеспечивают ему выдающееся место среди исследователей этого вопроса...».

Когда течет потолок

Несмотря ни на что, это были спокойные для М.С. Цвета годы: относительно налаженный быт семейного человека и любимая работа. Он ездит в Европу... Живет, впрочем, скромно. Рассказывают, что у него в комнате регулярно протекал потолок.

М.С. Цвет в лаборатории

...Где это было, в Петербурге или в Варшаве? В комнате г-на Цвета холодно и неуютно. На улице идет дождь. Лежа на железной кровати, Цвет меланхолично рассматривает большое пятно, которое расплзается на побеленном мелом потолке: чинить крышу никто не торопится. Кстати, о пятнах. Вода — пусть и дождевая — она, как известно, в норме есть бесцветная жидкость, а потолок покрыт какими-то разводами... Занятно! Между прочим, весьма похоже на промокашку, если капнуть на нее побольше чернил, этот эффект тогда наблюдал каждый грамотный человек.

Что же, таким образом, получается? Вода, пройдя сквозь крышу, чердак и потолок, теперь уж не такая и чистая. В ней появились примеси. Следовательно, разводы на потолке — это те самые примеси в отфильтрованном виде. Ишь ты!

А тем временем в биологических лабораториях всего мира пытались решить, казалось бы, простую задачу: разделить зеленый пигмент хлорофилл и каротиноиды. Из школьного курса

ботаники мы знаем, что хлорофилл, который содержится в листьях растений, зеленого цвета. Но, кроме хлорофилла, есть еще и каротиноиды — они осенью раскрашивают пейзаж в желто-багряные краски, которые так нравятся русским поэтам и художникам. Перекрашивать траву, кусты и кроны деревьев самой Природе удастся без труда, а вот в лабораторных условиях воспроизвести этот процесс пока не получается. И причиной тому строение пигментов: ведь то, что очень близко по химическому составу, разделить весьма трудно.

Попробуйте смешать песок с железными опилками. Если хотите, то получить обратно песок и опилки можно с помощью магнита.

Идем дальше. Смешаем оливковое масло с подсолнечным. В результате получится гомогенная масляная смесь, разделить которую на оливковое масло с подсолнечное можно только в лабора-

торных условиях. Но, в конце концов, эта смесь годится для использования в кулинарных целях.

Можем провести совсем уже безответственный эксперимент: нальем в один стакан чай и кофе. Как бы теперь опять получить чай и кофе? Нет, эту смесь лучше вылить.

Усложняем опыт. Попробуйте растворить в одном сосуде сахарозу, лактозу и фруктозу, а затем вновь выделить из получившегося раствора исходные компоненты. Вот то-то...

Над проблемой разделения каротиноидов в начале XX века работали многие ученые. В ход шли самые последние достижения лабораторной техники — безрезультатно. Ни один эксперимент всерьез так и не удался.

Итак, протекающая крыша и побеленный мелом потолок. Опыт М.С. Цвета и сейчас вызывает удивление своей технической элегантностью и простотой исполнения. Нижнюю часть обыкновенной пробирки нагревают в пламени газовой горелки Бунзена и оттягивают расплав-

ленное стекло вниз таким образом, что пробирка превращается в своеобразную воронку. Пробирка наполняется толченым мелом так, чтобы его масса была однородной. (М.С. Цвет перепробовал более 100 адсорбентов — среди них соли ртути, калия, бария, урана, гидрат окиси алюминия, сахар и даже земля с огорода. Не оказывал деструктивного воздействия на разделяемые пигменты только мел.) Сверху под небольшим давлением — или отрицательным давлением снизу — подавался раствор с экстрактом хлорофилла. На разных этапах эксперимента растворителями были спирт, лигроин и лигроин с добавлением 1/10 спирта.

Победа!

Итак, спиртовой экстракт хлорофилла — бурого цвета жидкость — начал, прорываясь вниз сквозь меловой порошок, разделяться на фракции. Их цвета последовательно менялись от зеленого до желтого. Разные времена года одновременно явились в стеклянном цилиндре с толченым мелом! И вот 8 (21) марта 1903 г. М.С. Цвет делает доклад «О новой категории адсорбционных явлений и о применении их к биохимическому анализу».

Недаром великий Томас Эдисон говорил о том, что гений — это еще и большое трудолюбие. Цвет продолжает свои опыты, испытывает различные адсорбенты и растворители, усовершенствует сам прибор. В 1906 г. в журнале «Доклады Немецкого ботанического общества» он публикует две статьи, посвященные хроматографическому анализу, летом следующего года выступает на заседании Общества с сообщением об открытии хроматографии и демонстрирует работу хроматографа.

Вот описание этого эксперимента, сделанное самим М.С. Цветом:

«Особенно поучительно наблюдение адсорбционных явлений при фильтрации через порошок. Из нижнего конца воронки вытекает сначала бесцветная, потом желтая (каротин) жидкость, между тем как в поверхностных слоях имулинового столба образуется интенсивное зеленое кольцо, на нижнем краю которого скоро дифференцируется желтая кайма...»

Если фильтрация производится через столб порошка, недостаточный для адсорбционного удержания всего красящего вещества, то желтое кольцо в своем нисходящем движении может достигнуть бумаги, закрывающей нижнее отверстие воронки...

В самой зеленой полосе тоже происходит дифференциация, а именно на сине-зеленую нижнюю и желто-зеленую верхнюю зоны».

Стеклянная пробирка без дна открыла новую страницу в истории мировой науки. Хроматографический анализ начал свое победное шествие! Раньше только живописцы и красильщики тканей знали слово «хроматография». М.С. Цвет водит термины «хроматографический метод» и «хроматограмма». В современной науке употребляется термин «адсорбционная хроматография».

Досужие шутники даже каламбурили на тему «Цвет — хроматография», намекая на греческое слово «chrōma», которое переводится на русский язык как «цвет». Не слишком остроумно, однако по существу верно!

Продолжение следует

Университетский человек

Продолжение. Начало см. в № 2

Очередные трудности

Формально все складывалось, вроде бы, неплохо. В 1909 г. на XII съезде русских естествоиспытателей и врачей М.С. Цвет делает доклад «Новый физический метод анализа пигментных смесей и применение его к исследованиям хлорофилла», который сопровождался демонстрацией опыта хроматографического анализа, в том же году — доклад в Ботаническом кабинете Московского университета, в декабре 1911 г. — доклад в Санкт-Петербурге на II Менделеевском съезде. Книга М.С. Цвета «Хромофиллы в растительном и животном мире» удостоена Большой премии М.Н. Ахманова. Летом 1913 г. Цвет принимает участие в XIII съезде русских естествоиспытателей и врачей в Тифлисе.

Варшавский период был для Цвета, пожалуй, наиболее плодотворным в научном плане. Другой вопрос, что в качестве внештатного лаборанта и приват-доцента М.С. Цвет жалование получал в размере, который напрямую зависело от числа прочитанных лекций и количества студентов, с которыми он занимался. Что ж, на первых порах и на новом месте это было вовсе не плохо. Но... Времена были трудными. Свои коррективы внесла первая русская революция.

Ничего удивительного нет в том, что в Царстве Польском тоже было неспокойно. Студенческие волнения в Варшавском университете начались в конце 1904 г., а в январе студенты нашли общий язык с рабочими, занятия в университете прекратились. Дольше всех держались студенты выпускных курсов, но вскоре по инициативе властей им был закрыт доступ в университет, чье существование второй раз в своей истории оказалось под угрозой. Прецедент был: в XIX в. он уже был на некоторое время закрыт с целью пресечения беспорядков. Впрочем, научную работу преподаватели вести могут. Полубезработный М.С. Цвет дважды уезжает (летом 1905 и 1906 г.) работать в Германию — в университеты Берлина и Киля. Цвет продолжает работы по усовершенствованию метода хроматографического анализа. С помощью спектрокопического и спектрофотометрических методов, в известном смысле, смежных с методом хроматографического анализа, М.С. Цвет исследует строение растительных пигментов. В 1907 г. преподает ботанику и сельское хозяйство в Варшавском ветеринарном институте.

Занятия в университете возобновляются только через четыре (!) года. Цвет получил разрешение читать приватный курс общей микробиологии, преподавательская нагрузка — один час в неделю. Не получилось.

Цвет ходатайствует о зачислении его на вакантную должность преподавателя ботаники в Варшавском политехническом институте. Ходатайство удовлетворено, причем с небольшой «нагрузкой»: заодно придется читать лекции и вести практические занятия на химическом и горном отделениях. Конечно, он принимает на себя заведование Ботаническим кабинетом — практически бесплатно. По совместительству преподает ботанику в Ветеринарном институте.

Что и говорить, нагрузка огромная! А вот несокрушимым здоровьем М.С. Цвет, к сожалению, не отличается.

ТОЛЧЁНЫЙ МЕЛ ПРОФЕССОРА ЦВЕТА

Кто не любит ботаника Цвета

Известно, что в годы советской власти при каждом удобном и неудобном случае нужно было напоминать читателю о том, как хорошо живется теперь и как плохо все было раньше. Даже Е.М. Сенченкова — автор, пожалуй, самой исчерпывающей книги о профессоре Цвете, пишет: «Как мало признательности выпало на долю Цвета при жизни! Лишь одна академическая премия была присуждена ему в 1911 г. за научный

Михаил ШТЕЙНБЕРГ

лаборатории» не получилось. Однако, неприятности пришли вовсе не со стороны царского правительства.

Буйный оппонент

Поговорим о странностях любви к политике. И, как сказал писатель Ф.М. Достоевский: «Я приглашаю читателя к спокойствию и к серьезности».

Метод хроматографического анализа М.С. Цвета не на шутку рассердил самого К.А. Тимирязева.

Известный ученый, крупнейший специалист в области физиологии рас-

— Какую карьеру готовите вы своим четырем сыновьям?

— Какую карьеру? А вот какую. Сошью я пять синих блуз, как у французских рабочих, куплю пять ружей и пойдем с другими — на Зимний дворец».

Сам К.А. Тимирязев, посланный для усовершенствования в научных познаниях за границу, работает в лучших европейских лабораториях. Из Парижа он возвращается примерно за год до событий Парижской коммуны. Становится прижизненным классиком теории фотосинтеза.

К.А. Тимирязев преподает в Петровской сельскохозяйственной академии (сейчас — Российский государственный аграрный университет имени К.А. Тимирязева, или «Тимирязевская академия»), дружит со студентами, но его открыто недолюбливают многие профессора. При Александре III, в 1893 г. по Высочайшему повелению академию из-за политических беспорядков закрывают. Через год ее вновь открывают как Московский сельскохозяйственный институт, но Климент Тимирязев назад на службу не принимают. В 1898 г. его увольняют (для этого есть хороший предлог — «выслуга лет») из числа штатных профессоров Московского университета.

Профессор Тимирязев протестует против печально знаменитых «Временных правил», в соответствии с которыми бунтующих студентов можно отдавать в солдаты. В 1902 г. он, заслуженный ординарный профессор, не читает больше лекций и лишь заведует Ботаническим кабинетом. Автор теории о космической роли растений, К.А. Тимирязев является Почетным доктором университетов Кембриджа, Глазго и Женевы, членом Лондонского королевского общества и Ботанических обществ Эдинбурга и Манчестера. В Лондоне Тимирязев удостоен одной из высших британских почестей для человека науки: он читает Крунианскую лекцию. Между тем, Императорская Российская академия наук решительно не желает избирать профессора Тимирязева в свои ряды. Причина понятна: политическая деятельность.

В своей книге мемуаров «Трава забвенья» Валентин Катаев вспоминает разговор между Михаилом Булгаковым и Владимиром Маяковским:

«Некоторое время Булгаков молча настроенно ходил вокруг Маяковского, не зная, как бы его лучше задрать. Маяковский стоял неподвижно, как скала. Наконец Булгаков, мотнув своими блондинистыми студенческими волосами, решил:

— Я слышал, Владимир Владимирович, что вы обладаете неистощимой фантазией. Не можете ли вы мне помочь советом? В данное время я пишу сатирическую повесть, и мне до разреза нужна фамилия для одного моего персонажа. Фамилия должна быть явно профессорская.

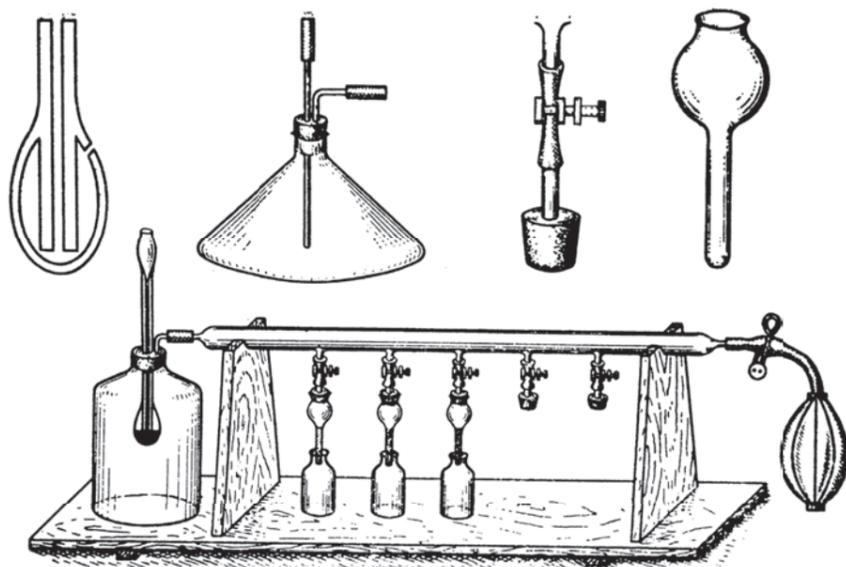
И не успел еще Булгаков закончить своей фразы, как Маяковский буквально в ту же секунду, не задумываясь, отчетливо сказал своим сочным баритональным басом:

— Тимирязев.

— Сдаюсь! — воскликнул с ядовитым восхищением Булгаков и поднял руки.

Маяковский милостиво улыбнулся».

Продолжение в следующем номере

Прибор для хроматографического анализа, созданный М.С. Цветом (один из первых вариантов)

труд «Хромофиллы в растительном и животном мире». Такие же награды, как ордена Св. Станислава 3-й степени в 1907 г., Св. Анны 3-й степени в 1912 г., Св. Станислава 2-й степени в 1915 г. и медаль в честь 300-летия дома Романовых в 1913 г. он получил «в воздаяние отличного усердной службы», как, впрочем, и другие преподаватели варшавских вузов, особо отмеченные за трудность работы на далекой окраине России. Вот и все, чем царское правительство отметило заслуги бескорыстно отдавшего ей весь свой незаурядный талант исследователя и педагога». Скажем прямо: это совершенно обычный комплект наград для того времени, и для человека этого возраста. А что касается признания и отдельных наград за хроматографический метод, то в те годы хроматографический адсорбционный анализ еще не мог найти широкого применения. Это не происки конкурентов и не козни недоброжелателей — это реальный уровень науки того времени. Химические и биологические лаборатории «доросли» до практического использования хроматографии только к середине 1920-х годов.

Михаил Семенович Цвет прожил недолгую, но трудную жизнь. Идиллической картины «счастливый ученый в

тений, К.А. Тимирязев в конце концов вообразил себя, очевидно, полным монополистом в области исследования хлорофилла. В незаконченном предисловии к сборнику «Солнце, жизнь и хлорофилл» Тимирязев неоднократно поднимает вопросы научного приоритета и делает это академически вполне корректно. Вот, пожалуйста: «Микроспектроскоп (объективный) предложен мною в 1871 году, а приписывается обыкновенно Эдельману (в 1884 г.)». Лишь при упоминании М.С. Цвета автор явно выходит из себя: «...Немецкие ботаники и с их голоса некоторые русские, как, например, г. Цвет, упорно приписывают обе идеи физику Ломмелю... Что же сказать о г. Цвете, который, вопреки моим неоднократным разъяснениям, упорно и сознательно говорит неправду, опровергаемую простой хронологией и словами самого Ломмеля...».

У Климента Аркадьевича Тимирязева был трудный характер. Сын удался в родителей. В детстве они рассказывали ему, как были свидетелями уличных беспорядков, как бросали палки и камни в свиту Николая I. Модно прочитать такой рассказ об отце ученого:

«В 1848 г. один знакомый обратился к Аркадию Семеновичу с вопросом о будущем его сыновей.

Тимирязев с восторгом приветствует Октябрьскую революцию. В результате у него разыгрывается нешуточный роман с советской властью. В 1920 г. он послал Ленину свою книгу «Наука и демократия» с дарственной надписью: «Глубокоуважаемому Владимиру Ильичу Ленину от К. Тимирязева, считающего за счастье быть его современником и свидетелем его славной деятельности». Ленин искренне радуется — его поддерживает представитель старой профессуры. Он шлет письмо Тимирязеву: «Дорогой Климентий Аркадьевич! Большое спасибо Вам за Вашу книгу и добрые слова. Я был прямо в восторге, читая Ваши замечания против буржуазии и за советскую власть. Крепко, крепко жму Вашу руку и от всей души желаю Вам здоровья, здоровья и здоровья! Ваш В. Ульянов (Ленин)». В ближайшую ночь К.А. Тимирязев скончался...

Разумеется, память о таком человеке нельзя было не увековечить. И получалось это так хорошо, что историю с тимирязевскими монументами в рассказе «Светлая личность» увековечили Илья Ильф и Евгений Петров:

«Великий агроном и профессор ботаники скакал на чугунном коне, простерши вперед правую руку с зажатым в ней корнеплодом. Четырехугольная с кистью шапочка доктора Оксфордского университета косо и лихо сидела на почтенной голове ученого. Многопудовая мантия падала с плеч крупными складками... Великий ученый, рыцарь мирного труда, сжимал круглые бока своего коня ногами, обутыми в гвардейские кавалерийские сапоги со шпорами, звездочки которых напоминали штампованную для супа морковь...

Удивительный монумент украшал город с прошлого года. Воздвигая его, пищеславцы подражали Москве. В стремлении добиться превосходства над столицей, поставившей у Никитских ворот пеший памятник Тимирязеву, город Пищеслав заказал скульптору Шац конную статую. Весь город, а вместе с ним и скульптор Шац, думали, что Тимирязев — герой гражданских фронтов в должности комбрига.

Шац на время забросил обязанности управдома, которые обычно исправлял, ввиду затишья в художественной жизни города, и в четыре месяца отлил памятник. В первоначальном своем виде Тимирязев держал в руке кривую турецкую саблю. Только во время приема памятника комиссией выяснилось, что Тимирязев был человек партикулярный. Саблю заменили большой чугунной свеклой с длинным хвостиком, но грозная улыбка воина осталась. Заменить ее более штатским или ученым выражением оказалось технически невыполнимым. Так великий агроном и скакал по бывшей Соборной площади, разрывая шпорами бока своего коня».

Одним словом, Тимирязев был человеком известным.

Он пишет несколько сомнительные мемуары. Он сначала приветствует начало Первой мировой войны, а затем осуждает ее, выступает принципиальным противником классовых привилегий... Но прогрессивный общественный деятель, блестящий экспериментатор европейской школы и теоретик К.А. Тимирязев считает, что Цвет лезет не в свое дело, узурпируя тем самым его, Тимирязева, права на открытия, связанные с хлорофиллом. Как говорят, К.А. Тимирязев, ученый с большими научными заслугами, сам пытался когда-то разложить хлорофилл на составляющие, а эксперимент решительно не удался.

ТОЛЧЁНЫЙ МЕЛ ПРОФЕССОРА ЦВЕТА

Михаил ШТЕЙНБЕРГ

Профессор Тимирязев ревнует. Это действующее лицо в нашем рассказе еще появится!

«...А караван угем»

Как бы там ни было, Цвет продолжает работать. Сверхштатный лаборант — должность, конечно, почетная, однако он ее давно перерос. В 1908 г. магистр ботаники, коллежский ассессор М.С. Цвет подает бумаги на избрание на должность штатного преподавателя ботаники в Варшавском политехническом институте Императора Николая II. Цвет заведует Ботаническим

М.С. Цвет в кругу родных. Москва, 1911 г. Слева направо: В.С. Цвет-Колядинский, М.С. Цвет, В.С. Цвет, Э.А. Цвет, Н.С. Цвет и А.С. Цвет-Колядинский

кабинетом, в котором трудится, как крестьянин на жатве, пополняя коллекцию препаратов. Эта работа в Кабинете ему не оплачивается. Для заработка преподает ботанику в Ветеринарном институте. А вот и результаты: в 1907–1908 гг. Цвет опубликовал 14 статей, а в 1909 — ни одной.

Еще раз об этих годах. Как мы уже говорили, в декабре 1909 г. Цвет едет на XII съезд русских естествоиспытателей и врачей. Под самый Новый год, 31 декабря на заседании секции ботаников, которая проходит в Ботаническом кабинете Императорского Московского университета, М.С. Цвет делает доклад, который называется длинно и торжественно: «Новый физический метод анализа пигментных смесей и применение его к исследованиям хлорофилла (с демонстрациями)». Именно в этом докладе Цвет вводит в русскую науку термин «хроматограмма».

Летом 1910 г. вышла книга М.С. Цвета «Хромофиллы в растительном и животном мире», изданная Варшавским университетом и Варшавским обществом естествоиспытателей совместно. Она представлена Цветом в Варшавский университет в качестве текста докторской диссертации, которая и была защищена 28 ноября 1910 г. Кстати, М.С. Цвет стал первым доктором ботаники, который защитил докторскую диссертацию по ботанике в Варшавском университете.

В Москве тем временем уходит в отставку профессор К.А. Тимирязев. Поэтому М.С. Цвет подает бумаги на открывшуюся таким образом в Московском университете вакансию. Как пишет Е.М. Сенченкова: «Очевидно, просьба Цвета и его кандидатура даже не обсуждались, так как в то время в Московском университете решался вопрос о ботанике Н.М. Гайдукове, оставившем работу в Киевском университете еще в 1909 г. и переехавшем жить в Москву».

В декабре 1911 г. М.С. Цвет участвует в работе II Менделеевского съезда по общей прикладной химии и физике, на

стрировал. Хотя демонстрация этого метода в то время проводилась им не впервые, но многие видели ее в действии в первый раз. При этом он сообщил новые результаты, полученные при исследовании растительных пигментов... По окончании доклада некоторые из членов общества — профессора университета — задавали вопросы и делали замечания по докладу. В них преобладали различного рода сомнения в обоснованности сделанных докладчиком выводов. Видимо, при этом сказались недопонимание существа использованного метода исследований — хроматографии, на что Михаил Семенович реагировал с некоторым раздражением. По-иному отнеслась к его докладу молодежь — ассистенты и студенты старших курсов. Они не высказывались в аудитории на заседании, но после довольно оживленно обсуждали между собой слышанное, делились впечатлениями. Их мнение было целиком в пользу докладчика. Будущее показало, что именно они были правы».

Да вообще ботаника, признаться, не самый профильный предмет в Политехникуме. Неудивительно поэтому, что М.С. Цвет неоднократно обращается в Министерство народного просвещения с просьбой числить его кандидатом в случае появления в других учебных заведениях вакансии по специальности. Искомая вакансия открылась в Сибири, в Томском университете. Ничего не получится: по состоянию здоровья жить в Сибири профессор М.С. Цвет не сможет.

Война и революция

Цвет плохо себя чувствует физически, да и настроение у него как-то не очень...

Первая мировая война. Впервые в мировой истории боевые действия ведутся одновременно на фронтах протяженностью в тысячи верст. Такого не было даже в эпоху наполеоновских войн!

Для профессора Цвета это означает, что ехать на лечение минеральными водами в Наухайм теперь нельзя, и поэтому М.С. Цвет едет в Смоленск. Замена вряд ли равноценная!

Польша — это западная окраина Российской империи. Поэтому студенты в Варшаве практически уже не учатся. В июне 1915 г. М.С. Цвет с женой и тещей уезжает отдыхать на юг, в Одессу. Тем временем германские войска наступают, русская армия оставляет Варшаву. Возвращение домой невозможно. Там, в Варшаве, остаются книги, приборы, рукописи...

Цвет едет в Москву, где ему предлагают место в... Главном артиллерийском управлении. Знания в области химии и элементарной физики у М.С. Цвета блестящие, но работа в инженерно-артиллерийском ведомстве требует некоторой переподготовки, а бросать занятия ботаникой Цвет не хочет.

Куда же теперь ехать? Собственно говоря, в 1914 г. в Москву был эвакуирован варшавский Политехникум, откуда затем он был переведен в Нижний Новгород. В Политехникуме М.С. Цвета хорошо помнят и с удовольствием примут.

Продолжение следует

Однако как раз в это время в Одессе открывается вакансия заведующего кафедрой анатомии и физиологии Новороссийского университета. Известна рекомендация профессора А.С. Фоминцына:

«...Самым достойным кандидатом является доктор ботаники Михаил Семенович Цвет, ученый с европейским именем, исследования которого над хлорофиллом составляют гордость русской науки и были уже отмечены Императорской академией наук присуждением Большой Ахмановской премии в 1911 г. <...> Ныне с эвакуацией Варшавского политехнического института этот выдающийся ученый превратился в беженца и за отсутствием лаборатории должен был прекратить свою плодотворную деятельность... Университет исполнил бы лишь долг перед русской наукой, дав возможность столь выдающемуся ученому занять подобающее место и продолжить свою научную деятельность».

Но, несмотря на блестящую рекомендацию, М.С. Цвет по конкурсу не прошел. Что же произошло в очередной раз? Как мы уже видели, ученые старшего поколения не слишком интересуются методом хроматографии. И, может быть, относится к нему не без иронии. К тому же, есть еще один существенный момент: профессор М.С. Цвет за годы, прошедшие в России, так и не стал здесь «своим». Что же делать?

Недаром Елена Александровна, жена профессора Цвета, обладала решительным характером. Вот что она пишет на имя товарища министра народного просвещения В.Т. Шевлякова о попытках замещения ее мужем вакантных должностей в университетах:

«<...> если это замещение будет производиться не путем конкурсов, куда доступ открывается одними научными заслугами, а путем выборного начала, при котором, как хорошо, увы, известно, зачастую решающую роль играют знакомства и приятельские связи, то, за неимением таковых, мой муж вряд ли сможет рассчитывать проникнуть в замкнутый университетский круг. Одна надежда тогда на исключительный случай специального назначения самим министром. <...> Вопрос времени, надо сказать, играет для мужа немаловажную роль. Если хотеть спасти его от тяжелых условий, в которых он прямо гибнет физически, надрываясь от непомерного, не по силам (муж некрепок здоровьем) труда, то это надо сделать, не откладывая <...> Муж <...> имеет 18 часов занятий в неделю. <...> И это занятия по второстепенному, побочному в специальных заведениях предмету, причем нельзя рассчитывать ни на особый интерес слушателей, ни на какую бы то ни было хоть самую скромную школу.

Энергия уходит на «преподавание», нравственного удовлетворения никакого; запас научных идей — мертвый капитал, который некому передавать; личная научная работа сводится к минимуму. И так уходят лучшие годы. Ведь это же гибель. Какое вопиющее противоречие между лестной оценкой М.С. Цвета как даровитого ученого и невозможными условиями, в какие он как ученый поставлен».

Письмо это — скорее попытка выговориться. «Знакомств и приятельских связей» от него не прибавилось, да обеспечить их было и не в силах товарища министра. Как и следовало ожидать, никакого «исключительного случая специального назначения самим мини-

ТОЛЧЁНЫЙ МЕЛ ПРОФЕССОРА ЦВЕТА

Михаил ШТЕЙНБЕРГ

стром» не последовало. Что делать? По всей видимости, профессор Цвет не любил вести «разговоры для разговоров», заводить на службе очень нужные для карьеры связи, обивать пороги кабинетов, что-то выпрашивать et cetera. Но вернемся в 1915 год.

Итак, Одесса отпадает.

Что ж, остается Нижний Новгород. В этом городе М.С. Цвет читал лекции по ботанике для студентов разных специальностей, много занимался общественной деятельностью, но для серьезной научной работы условий здесь не было. А здоровье все ухудшалось и ухудшалось...

сознанием, что есть еще множество людей, которые из-за войны находятся в худшем положении».

Получается следующая картина. Нижний Новгород — хорошая база для эвакуированного Политехникума. Но имущество «не совсем профильного» Ботанического кабинета частично остается в Варшаве, поэтому недостающее оборудование М.С. Цвет закупает в Москве. Кабинет в Нижнем оборудуется в здании Владимирского реального училища.

Уже составляются учебные планы, губернское земство активно поддерживает начинания варшавских ученых.

сали, что в Сибири на станциях лежат битые туши, и что весь этот запас в полмиллиона пудов сгниет при первой же оттепели. Все попытки земских организаций и отдельных лиц разбивались о преступное равнодушие или полное неумение что-либо сделать со стороны властей. Каждый министр и каждый начальник сваливал вину на кого-нибудь другого, и виновников никогда нельзя было найти. Ничего, кроме временной остановки пассажирского движения, для улучшения продовольствия правительство не могло придумать...»

Об этом же еще резче вспоминал такой мемуарист, как генерал А.И. Деникин:

«Бесправие и сыск достигли небывалой еще степени. Русский независимый суд подчинен был требованиям «политического момента».

<...>

Правительственными мероприятиями, при отсутствии общественной организации, расстраивалась промышленная жизнь страны, транспорт, исчезало топливо. Правительство оказалось бессильным и неумелым в борьбе с этой разрухой, одной из причин которой были, несомненно, и эгоистические, иногда хищнические устремления торгово-промышленных кругов.

Деревня была обездолена. Ряд тяжелых мобилизаций без каких-либо льгот и изъятий, которые предоставлялись другим классам, работавшим на оборону, отняли у нее рабочие руки. А неустойчивость твер-

дых цен, с поправками, внесенными в пользу крупного землевладения — в начале, а затем злоупотребление в системе разверстки хлебной повинности, при отсутствии товарообмена с городом, привели к прекращению подвоза хлеба, к голоду в городе и репрессиям в деревне.

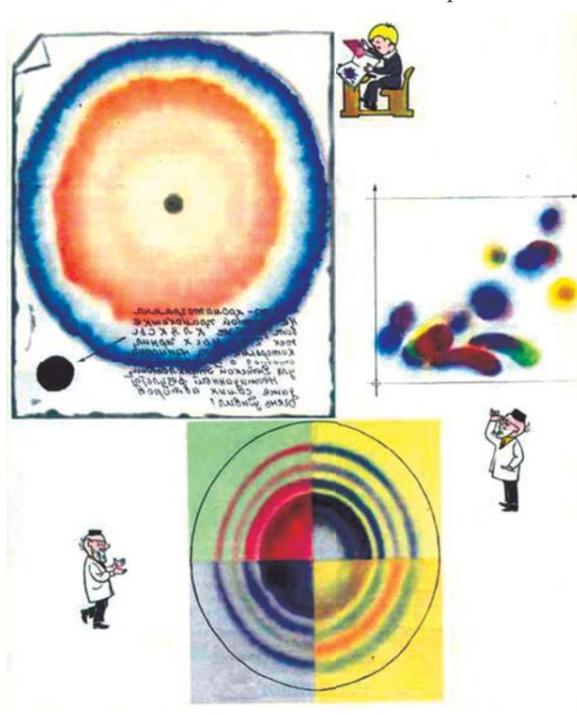
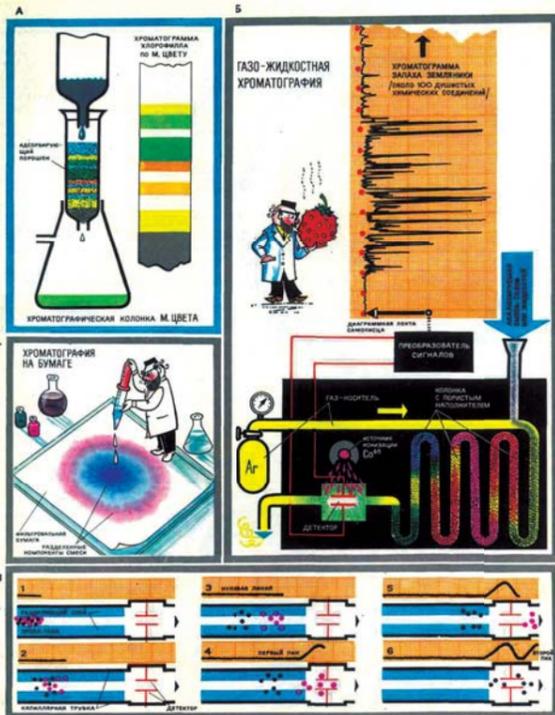
Служилый класс, вследствие огромного поднятия цен и необеспеченности, бедствовал и роптал».

Тяготы и лишения военных лет уже дают себя знать и в Нижнем Новгороде. В аудиториях холод, начинаются перебои с продуктами питания. Профессор М.С. Цвет, несмотря ни на что, начинает чтение лекций для студентов и участвует в создании Нижегородского общества естествоиспытателей, задачей которого является просвещение горожан — для тех, кто интересуется научной постановкой сельского хозяйства, и любителей физики и астрономии. Елена Александровна Цвет активно работает в «Обществе вспомоществования недостаточным студентам», это дело ей знакомо, она помогла бедной молодежи еще в Варшаве.

Эти рисунки в юмористической форме показывают сущность хроматографического анализа

Художники: Ю. Макаренко, Г. Северденко
<http://www.childrenpedia.org/3/page393.html>

Продолжение следует

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Как раз в это время политическая обстановка в стране меняется коренным образом.

Первая мировая война на корню уничтожает Европу. В России патриотический подъем первых месяцев сменяется разочарованием. Нерадостные вести с фронта, министерская чехарда, Распутин, по стране ползут самые темные слухи... Фронт и тыл устали от войны. Скажем прямо: это было странное время. Один из лидеров партии октябристов, председатель Государственной Думы третьего и четвертого созывов М.В. Родзянко писал: «Правильная работа главных отраслей государственного хозяйства, связанного с войной, неуклонно потрясалась постоянными переменами. Очевидно, никакого толка выйти из этого не могло. Получался сумбур, противоречивые распоряжения, общая растерянность, не было твердой воли, упорства, решимости и одной определенной линии к победе.

<...>

С продовольствием стало совсем плохо. Города голодали, в деревнях сидели без сапог, и при этом все чувствовали, что в России всего вдоволь, но нельзя ничего достать из-за полного развала в тылу. Москва и Петроград сидели без мяса, а в это время в газетах пи-

Цвет не сдаётся. Варшавский политехнический тем временем обустраивается на новом месте; это первое высшее учебное заведение в городе, поэтому все снова непросто. Что делать? М.С. Цвет организует здесь Ботанический кабинет, входит в состав оргкомитета Высших сельскохозяйственных курсов. Собрания оргкомитета проводятся, как правило, прямо в лаборатории М.С. Цвета. Впоследствии Курсы реорганизовали в Агрономическую школу, а затем — в агрономический факультет Нижегородского университета.

Ученый пишет друзьям в Женеву, по привычке используя иногда ботаническую терминологию:

«...Мы пустили корни. Это не так легко, так как почва довольно засушлива. Я кое-как организовал лабораторию, но недостаток литературы велик. Я имею основание надеяться, что кто-нибудь другой воспользуется тем, что я сделал, а я скоро получу университетскую кафедру, что не переставало быть предметом моих желаний. В ожидании мы живем беспорядочно, снимая две комнаты в семье адвоката, счастливы, имея подходящую мебель и приличный обед, что нам подают. Конечно, это несколько тяжело, когда приближаешься к 45, но утешаешься

Университетский человек

Продолжение. Начало см. в № 1

В начале марта император Николай II отрекся от престола за себя и за сына в пользу своего брата Михаила, который подписывает отречение в пользу Временного правительства «впредь до того, как созданное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа». Династия Романовых началась Михаилом и закончилась Михаилом; в Ипатьевском монастыре Михаил Федорович получил известие об избрании на царство, а в доме инженера Ипатьева была расстреляна семья отрекшегося от престола императора Николая II — более того, историк А.В. Века сообщает такую подробность: «23 ступеньки переступил Михаил, поднимаясь на трон... после 23 лет правления последний Романов переступил 23 ступеньки, спускаясь в подвал Ипатьевского дома». Объяснить такие вещи наука в данный момент не в состоянии!

Таким образом, вся власть в России переходит к Временному правительству. Но пока смена верховной власти никак не отражается на ходе учебного процесса, а Политехникум еще работает в штатном режиме — по крайней мере, по меркам военного времени, в эвакуации.

И вот 24 марта 1917 г. М.С. Цвет избран по конкурсу ординарным профессором ботаники Юрьевского университета. Долгожданная должность ординарного профессора классического университета (а не Политехникума) наконец-то получена.

Впрочем, учебный год профессор Цвет заканчивает в Нижнем Новгороде, но чувствует он себя физически все хуже и хуже. Нужно ехать лечиться, однако денег опять нет. И тут самое время вспомнить о том, что у Политехникума имеется крупная финансовая задолженность перед Михаилом Семеновичем Цветом и эти деньги хорошо бы каким-то образом получить... Начинается канцелярская переписка между профессором Цветом и администрацией института. Михаилу Семеновичу полагается большая сумма денег за исполняемое им в течение многих лет заведование Ботаническим кабинетом, кроме того, ему следует получить институтское пособие на лечение. Как водится, расставаться с деньгами Совет института не хочет, поэтому рассмотрение простого (казалось бы) вопроса, мягко выражаясь, затягивается. Точнее, оно длится безобразно долго: с 13 мая по 15 сентября 1917 г. Это понятно. За восемь лет профессору Цвету положено выплатить по 800 рублей за год, а это составляет 6400 рублей. Сумма неплохая, даже с учетом того, что ее изрядно погрызла инфляция военных лет, но добиться выплаты денег в Политехникуме приличному человеку решительно невозможно. В результате пришлось взять деньги в долг: М.С. Цвет берет ссуду в институтской же (!) ссудно-сберегательной кассе и вместе с женой и тещей едет на Кавказ, в Беслан. В этом городе Цвет заболел воспалением легких...

Цвет 8 июля пишет в Швейцарию: «...Я только что назначен ординарным профессором в Юрьевском (Дерптском) университете, где я буду также директором Ботанического сада. Это событие наполнило бы меня радостью, если бы мое здоровье не было уже так плохо в последние два года и если бы не перспектива возможной эвакуации, потому что немцы недалеко от Юрьева. Политическая атмосфера

ТОЛЧЁНЫЙ МЕЛ ПРОФЕССОРА ЦВЕТА

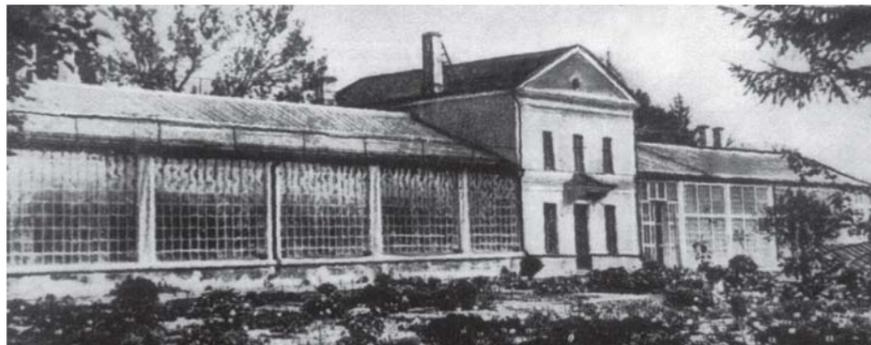
Михаил ШТЕЙНБЕРГ

очень тревожна, и революция приобретает все более социальный характер. "Смерть буржуям" можно прочесть на некоторых плакатах, которые носят демонстранты-максималисты.

<...>
Я продолжаю жить здесь с семьей, чтобы поправить здоровье, но начал я с тяжелой пневмонией, от которой чуть было не испустил дух Я... думаю все время о женевском прошлом. Через один-два месяца я уеду... если Юрьев вообще будет.

<...>
Хотя бы она скорее закончилась, эта война! Не напоминают ли две враждебные коалиции двух свирепых левов, которые до самого конца войны будут пожирать друг друга?»

Мимоходом мы напомним благосклонному читателю, что максималистами называлась полуанархическая группа террористического толка (она же — Союз социалистов-революционеров-максималистов, она же «аграрные террористы»), которая еще в 1904 г. откололась от партии эсеров, прославилась целым рядом террористических актов и «экспроприаций», а затем вновь невзначай возродилась в 1917 году. Следовательно, ботаник М.С. Цвет хорошо разбирался в политике. Он как в воду смотрел... Но настоящие приключения (в том числе и весьма дурного толка) были еще впереди!

На фото: Ботанический сад Императорского Юрьевского университета

ЮРЬЕВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В сентябре того же года Цвет переезжает в Юрьев.

На новом месте можно было бы, не торопясь, осмотреться и отдохнуть с дороги. Но не таков был профессор М.С. Цвет! Он сразу же приступает к работе.

В Юрьеве Цвет стал преемником члена-корреспондента Санкт-Петербургской Императорской академии наук, профессора ботаники Н.И. Кузнецова, выдающегося ученого, который занимался систематикой и географией растений. Благодаря усилиям профессора Кузнецова, в те годы Ботанический сад университета приобрел широкую известность в научных кругах, а журнал «Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета» для ботаников стал печатным органом всероссийского значения. Михаил Семенович Цвет принимает заведование кафедрой ботаники и Ботаническим садом, к его услугам вся могучая научная база университета.

Осень 1917 г. проходит в занятиях со студентами, а в декабре профессор Цвет принял участие в отчетном заседании Юрьевского общества естествоиспы-

тателей.

Студентка университета Т.В. Низовкина вспоминала:

«...Курс ботаники вел Михаил Семенович Цвет. Он читал свои лекции... в аудитории Ботанического сада, находившейся в небольшом одноэтажном здании старинного типа напротив пруда, располагавшегося в том же саду. Она представляла собой сравнительно небольшую комнату с одним широким окном, где и собиралась группа студентов в 25–30 человек.

Профессор М.С. Цвет входил на лекцию не через ту дверь, в которую входили студенты, а в другую дверь справа, очевидно, связанную с его жилыми комнатами. Его облик хорошо запомнился мне уже с начала знакомства. Когда я увидела М.С. Цвета на первой его лекции, он показался мне высоким человеком. Одет он был строго, в черный сюртук. Волосы седоватые, бледное с правильными чертами лицо. На лице было удивительное выражение большой усталости, казалось, что он, может быть, даже чем-то болен. Весь облик полон благородства и спокойствия.

Лекции М.С. Цвет читал спокойно, медленно. Они были содержательны...»

В январе 1918 г. шведская Академия наук рассматривает кандидатуру профессора М.С. Цвета в качестве претендента на присуждение Нобелевской премии. Цвет премии не получает.

Как и следовало ожидать, Брестский мир оказался весьма недолгим переми-

рием, и в ходе войны германские войска оккупируют Прибалтийский край. Имущество университета то готовят к эвакуации, то эвакуацию отменяют. Кое-что на всякий случай отправляют в Нижний Новгород и в Пермь. В феврале 1918 г. немцы прорывают фронт и переходят в наступление, город занимает германская армия, и Юрьев опять становится Дерптом. Помните слова М.С. Цвета: «...если Юрьев вообще будет»? Так оно и получилось! Юрьев стал сначала Дерптом, а затем — Тарту. Очень скоро остатки университета попадут под эстонскую юрисдикцию, а пока германские оккупационные власти предписывают перевести учебный процесс вновь на немецкий язык. Но теперь это технически невозможно: университет уже стал большей частью русскоязычным. И этой большей части германское командование предлагает «добровольно покинуть Лифляндию». Из нескольких вариантов в качестве — временного, как тогда казалось — прибежища был выбран Воронеж.

Занятия прекращаются. Заодно прекращается и выдача жалованья.

Для семьи Цветов настают черные времена: ученому-скитальцу, в отличие от

других юрьевцев, и продать-то нечего... Михаил Семенович Цвет, уже заметно седой, худой и нервный, чувствует себя совсем плохо физически. Профессор медицинского факультета И.В. Георгиевский ставит диагноз: декомпенсированный порок сердца. При этом заболевании происходит истощение резервов организма и развивается сердечная недостаточность. Большие физические и эмоциональные нагрузки, разумеется, категорически противопоказаны. Больной должен соблюдать щадящий режим и нормально питаться, иногда прописывается строгая диета. Применительно к профессору Цвету подобного рода рекомендации звучат как откровенное издевательство. Нагрузки у него непосильные, а вместо строгой диеты ему угрожает вульгарный голод... Положение спасают те деньги, которые после долгих хлопот в новой (она же старая) столице, в конце концов, привез из Москвы профессор В.Э. Регель. Осенью он станет ректором университета.

А теперь в дорогу! Впереди долгий путь через линию Западного фронта, по стране, в которой идет Гражданская война. На дворе стоял, как поется в одном известном кавалерийском марше, «боевой восемнадцатый год»... Недалеко от Воронежа проходит линия Южного фронта, но на это обстоятельство можно не обращать большого внимания, так первоочередной задачей сейчас представляется спасение университета, а не обсуждение политических программ белых и красных. Политика может и подождать.

В ГОРОДЕ ВОРОНЕЖЕ

Университет прибывает на новое место жительства в Воронеж. Сюда двумя эшелонами приезжают 189 сотрудников Юрьевского университета и членов их семей, а также 210 студентов. Михаил Семенович Цвет уезжает из Дерпта 31 августа 1918 г. вторым эшелонам и в Воронеж приезжает 7 сентября. Здесь повторяется та же история, что и в Нижнем Новгороде: в губернском центре впервые появляется университет, городские власти под него отдают здание Михайловского кадетского корпуса. Конечно, это уже давно не корпус, а военная гимназия — при большевиках закрытая — но горожане упорно продолжают называть этот дом кадетским корпусом. Такова бывает сила старых названий!

Каждый раз начинать все заново на новом месте — вот судьба М.С. Цвета. Прошел месяц в Воронеже. И вот 7 октября 1918 г. профессор Цвет в письменном виде подает Комитету по организации университета свои соображения о преподавании ботаники. Он предлагает учредить на физико-математическом факультете третью профессию по ботанике. Это означает, что первые два профессора будут читать лекционные курсы на физико-математическом и медицинском факультетах, а третий — заниматься научной работой.

Продолжение следует

Университетский человек

Продолжение. Начало в № 1

Раньше в университетах преподавали геоботанику (флористику), этот предмет Михаил Семенович предлагает заменить более прогрессивной наукой — экологической географией растений, преподавать которую следует с учетом тесной взаимосвязи анатомического строения растений, их физиологических и морфологических особенностей с окружающей средой.

Юрьевские профессора сначала считают, что эвакуация в Воронеж — это дело временное, после окончания войны можно будет вернуться обратно в Эстонию. А пока 12 ноября 1918 г. в Воронежском университете начинаются занятия. Газета «Известия Воронежского губернского исполнительного комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов» писала: «Приветствуем ... рассадник высшей науки — с началом занятий».

Но профессор М.С. Цвет приступить к чтению лекций не может.

Много воспоминаний

Улица Халютинская. Здесь, во флигеле двухэтажного дома, который принадлежал преподавателю Зооветеринарного института, основателю первой в России земской четырехклассной ветеринарно-фельдшерской школы, впоследствии профессору ВГУ А.И. Верекину, поселились супруги Цвет. Вот как пишет об этом Е.М. Сенченкова:

«В устройстве и размещении прибывших (сотрудников и студентов университета. — М.Ш.) приняли участие не только представители губисполкома, но и местная интеллигенция. Преподаватель Зооветеринарного института, а затем профессор ВГУ Алексей Иванович Верекин предложил приезжим небольшую комнату во флигеле его двухэтажного дома № 20 по Халютинской (ныне Батуриной) улице, в которой и поселились Цвет и его жена. Приветливый и сердечный хозяин, его жена и дочь старались по возможности помочь им в устройстве на новом месте. Простая железная кровать, покрытая серым солдатским суконным одеялом, стол, стул, этажерка с книгами да шкаф — вот все, что могли они предложить приехавшим налегке супругам. Верекин стал почти единственным собеседником Цвета.

Нелегкий многодневный переезд из Юрьева, продовольственные трудности и отсутствие должной медицинской помощи (и это при наличии в университете медицинского факультета! — М.Ш.) заметно сказались на ухудшении здоровья Цвета. Положение осложнялось тем, что его место жительства оказалось очень далеким от университета и не связанным никаким видом транспорта. Сердечная слабость не позволяла Цвету идти пешком через весь город, и он вынужден был иногда не являться даже на заседания университетского Совета. Так, 4 октября 1918 г., когда Совет профессоров должен был избрать проректора (им стал К.К. Сент-Илер), Цвет официально передал свое право голосования профессору зоологии И.И. Шмальгаузену, одному из немногих, с кем он поддерживал в Воронеже наиболее тесные дружеские отношения.

Болезнь, лишения и жизненные невзгоды сделали ученого молчаливым, грустным и задумчивым. Цвет не стремился общаться с соседями и привлекать к себе внимание, а держался скромно и уединенно. Иногда его видели сидящим у окна, выходящего в сад. С приближением зимы все меньше и меньше света проникало в скромное жилище ученого. Любимым местом Цвета стала беседка в саду, где он часто сидел, задумавшись, один или беседуя с Верекиным. Немало путешествовавший и прошедший пешком по лесам, степям и

ТОЛЧЁНЫЙ МЕЛ
ПРОФЕССОРА ЦВЕТА

Михаил ШТЕЙНБЕРГ

горам, Цвет мог теперь совершать лишь короткие прогулки в сторону обрыва реки Воронеж. Тропинка от дома к реке круто обрывалась у берега, и с высоты открывался завораживающий вид бескрайних заречных просторов, любоваться которыми Цвет мог часами.

Многое из сказанного здесь нам стало известно от А.Н. Грудевой, до сих пор (имеется в виду первая половина 1970-х гг. — М.Ш.) проживающей в доме, принадлежавшем Верекину. Скромная и застенчивая девушка, она почти ежедневно приходила тогда во флигель — молча прибирала его комнаты и топила печь. Иногда Цвет обращался к ней с вопросом или с просьбой.

Грудевой запомнились вежливость, предупредительность и сдержанность его обращения не только с ней, но и со всеми окружающими. Одевался Цвет всегда чисто и аккуратно, но девочке казалось, что его одежда — с чужого плеча, так она была ему свободна из-за его истощенности».

Что ж, в эвакуации то ли еще бывает! Однако: что означает это «очень далекое место жительства» от университета? И еще вот это: «Пешком через весь город...» Зачем же идти через весь

Вот что писал 14 апреля 1919 г. сам профессор Цвет:

«Суть в том, что, страдая серьезным пороком сердца, я не могу много и долго ходить. Вынужденный условиями жилищного кризиса жить вдали от университета, я был, следовательно, отрезан от него, ввиду отсутствия трамвая и извозчиков... За неимением другого свободного помещения я мог бы поселиться временно при заведомом мною Ботаническом институте, где при достаточно обширном помещении могли быть выделены безо всякого ущерба для лаборатории под мое жилище две совершенно изолированные, с отдельным ходом, маленькие комнатки, ...но видя, что время уходит, решил исплопотать пока что пользование казенной лошадкой. Получив согласие Правления (8 апреля), я на следующий же день, 9-го, начал чтение лекций».

Вдумайтесь в это! Профессор Цвет не привык жаловаться. И в самом деле, уныние — это грех. Но получается так, что вследствие жилищного кризиса больной и голодный профессор живет внизу, под горой, на которую он не в силах подняться, а вопрос можно было решить очень просто — получить раз-

вступительные экзамены строжайше запрещены большевиками, и в университет принимают всех желающих. Даже малограмотных! На первый курс теперь поступают, так сказать, явочным порядком. Права неграмотных «абитуриентов» теперь защищены специальным декретом, за нарушение его предписаний «все ответственные лица подлежат суду революционного трибунала», а самым популярным приговором в то время был, как известно, расстрел... Подписал Декрет лично председатель Совнаркома В.И. Ульянов-Ленин, тот самый, который в 1920 г. восхищался общественной деятельностью профессора Тимирязева!

Что ж, времена были суровыми. Раз профессор Цвет, страдающий нервным истощением и пороком сердца, не может идти до «рассадника высшей науки», то и продуктового пайка ему, как нетрудовому элементу, теперь не положено. Неявка на работу повлекла за собой лишение заработной платы.

ВГУ в те годы

город? Университет размещался на улице Петровской (впоследствии Университетской, сейчас — Феокистова). Для здорового человека хорошим шагом это — полчаса ходу.

Не знаю, какой «вид транспорта» ожидала здесь найти в 1919 г. исследовательница — уж не троллейбус ли? До революции здесь ходила конка, это такой однокогонный трамвай на конной тяге. Но теперь, действительно, какая уж там конка...

Профессор Цвет жил тихо, «скромно и уединенно». Скромным человеком он был всегда... А что касается его уединенной жизни, то я сильно подозреваю, что причиной этого не в последнюю очередь был голод! Это был голод в самом вульгарном его проявлении — то, что супругам Цвет в Воронеже иногда было попросту нечего есть, это факт в научном мире хорошо известный... Вот поэтому одежда и висела на Михаиле Семеновиче, как на вешалке, — уже немолодого человека, страдающего пороком сердца, лишили нормального питания.

решение занять те самые «две маленькие комнатки». Не велика беда — жить при лаборатории: как мы помним, иметь квартиру прямо на рабочем месте М.С. Цвету было не привыкать.

Совершенно очевидно, что М.С. Цвет ходить по кабинетам и просить попросту не умел. Слишком благородный был человек. Но как могло Правление университета во главе с ректором В.Э. Регелем не позабиться о больном товарище — это, конечно, вопрос.

И более того. Еще 7 октября профессор Цвет представил докладную записку об организации в Воронежском университете кафедры ботаники. Заодно он просил разрешения поселиться в университете, где-нибудь при лаборатории, возможно, в тех самых «двух маленьких комнатках». (Отсутствие комфорта — дело привычное!) Профессору Цвету было отказано.

...А университет живет веселой жизнью. Юрьевцы ходят по городу в старой форме, всюю кипят митинги и диспуты. Плата за обучение отменена,

Скажем спасибо Правлению университета, а также кучеру и казенной лошадке, которые 9 апреля приехали за профессором Цветом. Но вот что нехорошо: к занятиям он приступает, еще не вылечившись. Лекции читает сидя, тяжело дыша.

Вспоминает биолог В.И. Бухалова: «Кафедры физиологии и ботаники помещались в одном здании, у нас была общая аудитория. Запомнилось, что профессор Цвет читал лекции, сидя за столиком, его умное лицо с резкими чертами поражаало своей бледностью, при разговоре он задыхался, грудь вздымалась от тяжелых толчков сердца».

Жалел ли профессор Цвет о том, что не вернулся в Европу? Кто знает... Он хотел жить в России и работать для России — здесь сначала поставили под сомнение его докторскую степень, потом высмеяли и под конец — заморили голодом.

Как бы то ни было, никакие объяснения и отговорки вины с ректората ВГУ тех лет не снимают.

Продолжение следует

Продолжение. Начало в № 1

Жизнь в городе идет в полном соответствии с эпохой. Газета «Известия Воронежского губисполкома» в ноябре 1918 г. сообщает:

«Недавно организовалась коммунистическая ячейка студентов, пока насчитывающая 30 членов... На университет ячейка смотрит как на высшую школу, подготовляющую строителей нового коммунистического общества, и в связи с этим она намечает пересоздание программ и методов университетских занятий. Так, в основу будет положен марксистский метод, преподавание экономических наук займет самое большое место и т.п. Помимо того, культурные университетские силы будут использованы для работы среди широких трудовых масс, и для этой цели они будут привлекаться к чтению общедоступных лекций и пр. Ячейка предполагает повести энергичную пропаганду среди студенчества, и ею организуется уже ячейка сочувствующих. Между прочим, в эту ячейку могут вступить и товарищи, не согласные с отдельными пунктами программы или с каким-либо решением, но только в том случае, если это расхождение будет оговорено при вступлении или принятии решения».

По состоянию здоровья Михаил Семенович Цвет никаких «общедоступных лекций» читать не может. Какая там просветительская работа среди населения! Напоминаю: и в университете он вести занятий не может, вследствие чего жалования не получает. По всей видимости, невыход на работу по болезни в то время уважительной причиной не считался.

Хозяйственное интермеццо

Здесь самое время сказать о том, что Юрьевский университет, спасаясь от германской оккупации, переехал в очень интересную страну.

К лету 1918 г. на территории, подконтрольной Совету народных комиссаров, практически вся промышленность была национализирована. Впрочем, заводы и фабрики и без того не работали. В Петрограде большевики реквизируют золотые медали академика И.П. Павлова, а также неизрасходованную часть его Нобелевской премии. Были отменены, по крайней мере de jure, права наследования имущества. Ко всем бедам, еще появились «лишенцы». В статье 65 Конституции РСФСР 1918 г. были заботливо перечислены семь категорий граждан, которые отныне лишались избирательных прав. Это были лица, использующие наемный труд с целью извлечения прибыли; граждане, живущие на нетрудовые доходы (проценты с капитала, доходы с предприятий и т.п.); частные торговцы, коммерческие посредники и другие. Вопрос продуктов питания решался двумя ленинскими декретами: «О продовольственной диктатуре» и «О чрезвычайных полномочиях народного комиссариата по продовольствию».

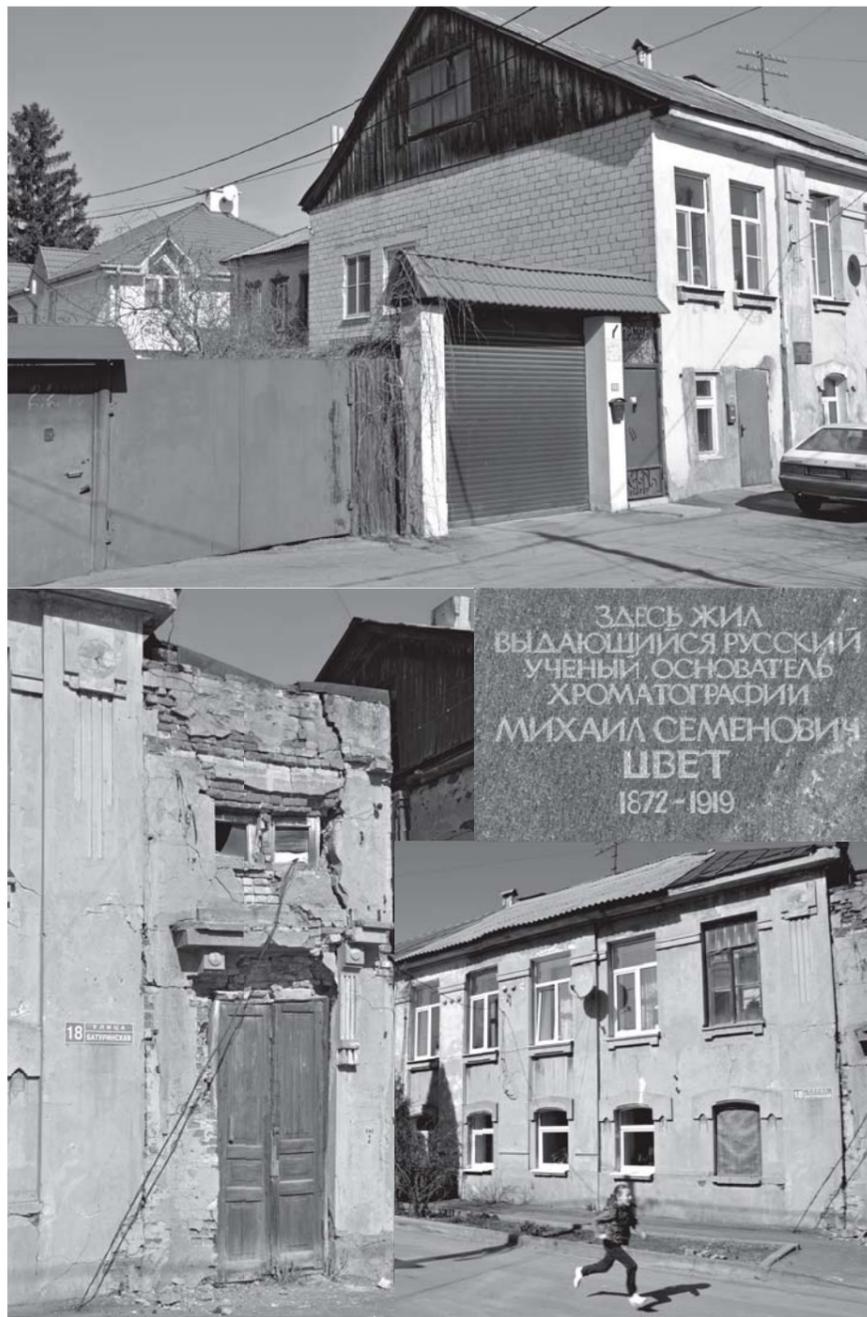
Что касается наличных денег, то в России в обороте были царские купюры, а также мало кому нужные «керенки» и «думки». Что такое «керенки», известно и сейчас, наверное, всем. И в первую очередь потому, что покупательная способность их была настолько низкой, что стоили они дешевле обоев и поэтому «керенками» иногда обклеивали стены комнат. Еще их можно было с успехом использовать в качестве оберточной бумаги! Менее известны

ТОЛЧЁНЫЙ МЕЛ ПРОФЕССОРА ЦВЕТА

Михаил ШТЕЙНБЕРГ

«думки». Они назывались так потому, что на них красовался Таврический дворец, в котором когда-то заседала Государственная Дума. Это были хорошо отпечатанные ассигнации номиналом в тысячу рублей. Еще можно было встретить разного рода подозрительные

же касается преподавателей высших учебных заведений и учителей, то излишне говорить о том, что и те, кто получали жалование в полном объеме, жили плохо. Есть скорбная статистика: доходы педагогических работников по сравнению с 1913 г. сократилась в 8—10 раз.

бумажки, которые «эмитировались» различными атаманами, иногда залетавшими на «красную» территорию. Говорят, что за попытку расплатиться этими «деньгами» мужики на базаре запросто могли надавать и по шее.

На «белой» территории были свои деньги.

Но вся страна, независимо от политических убеждений, уважала денежные знаки, которые были выпущены в Российской Империи. Это было солидно и, как тогда казалось, надежно.

Цены меж тем выросли катастрофически. И неудивительно: сельское хозяйство на «красной» территории товарного хлеба давало не более 10 процентов от соответствующих показателей Российской Империи. Хлеб у крестьян отбирали с помощью военной силы. Что

К новому, 1919, году наука России понесла серьезные потери. От голода и холода скончались 12 академиков: А.С. Фаминцын (старый друг М.С. Цвета и его рецензент), математик и механик А.М. Ляпунов, редактор «Словаря русского языка» А.А. Шахматов и другие.

Подсчитано, что в нашем климате для нормального питания кроме других продуктов, человеку нужно в год около 200 кг хлеба.

Торговля хлебом 21 ноября 1918 г. была объявлена государственной монополией, а частная торговля приравнивалась к спекуляции. Но государственного хлеба хронически не хватало, поэтому по стране шныряли «мешочники», они же — «лица, занимающиеся мелким нелегальным снабжением».

Мешочники! Эти подозрительные граждане появились еще в 1917 г., но расцвет их деятельности наступил в эпоху Гражданской войны. Они ездили в известные, может быть, им одним «хлебные места» за продуктами и занимались нелегальной торговлей. Их ловили, сажали в ЧК, иногда расстреливали... Не помогало!

Обе столицы голодали.

Губернский Воронеж, как мог, заботился о пропитании университета. Вот как обозначил свое материальное положение в 1919—1920 гг. профессор медицинского факультета ВГУ Н.Н. Бурденко:

1. Ф.И.О. Бурденко Николай Нилович, 42 года.
2. Должность — профессор университета.
3. Семейное положение — женат.
4. Жалование — 8000 руб., 96 000 руб. в год.
5. Расходы:
 - а) на пищу — 6000 руб.;
 - б) на одежду и обувь — 3000 руб.;
 - в) на бытовые услуги — 1000 руб.;
 - г) на удовлетворение умств[енных] и эстетич[еских] потребностей — 6000 руб.;
6. Квартира — казенная, одна комната 3×8 аршин (1 аршин = 71,120 см. — М.Ш.)
7. Отопление — печью, вода — ведрами.
8. Температура зимой 1919 г. — 4 градуса.
9. Расход дров — 60 пудов.
10. Освещение — электрическое.
11. Туалет — нет.
12. Условия питания — паек врачевательный.
13. Продукты приобретались — всяческими способами.
14. Рабочие часы в день — 15 часов.
15. Отпуск — не было.

Еще тяжелее было студентам. Из воспоминаний Н.А. Остроумова: «Пайки студенты не получали, если не считать ежемесячно выдачи 30 фунтов (12 кг) жмыха. В столовой, простояв более часа в очереди, студент получал лепешку диаметром 8 см, толщиной 1 см и тарелку очень жидкого пшеничного супа без мяса».

Кстати говоря, положение большевиков в то время объективно было весьма тяжелым. Положение на фронтах обязывало... Уже 7 апреля Совет обороны предписывает: «Ввиду крайне острой нужды в медицинском персонале для Красной Армии произвести немедленно выпуск всех студентов медиков V курса и призвать их на военную службу с обязательным отъездом на фронт не позднее 10 апреля сего года».

Продолжение следует

На фото:

Дом ветеринарного врача Веревкина. Здесь, во дворе, во флигеле жил М.С. Цвет. Мемориальная доска

Университетский человек

Продолжение. Начало в № 1

То, что Е.М. Сенченкова вежливо называет «продовольственными трудностями» того времени, следует назвать более определенно: голод. Не зря же бывший студент Н.А. Остроумов запомнил, сколько выдавали жмыха в месяц, и что лепешка была диаметром восемь сантиметров и толщиной в один сантиметр!

Кто-нибудь сегодня измерял диаметр и толщину котлеты в университетской столовой?

Репутацию испортить легко

Когда мы начинали разговор о профессоре Тимирязеве, я не зря предупреждал читателя о том, что обсуждать эту тему будет трудно.

И все-таки.

В академических кругах рассказывали следующее.

В разоренной войнами и революцией стране работает созданная по инициативе Максима Горького Центральная комиссия по улучшению быта ученых, сокращено — ЦКУБУ, Цекубу, или просто Кубу. Цекубу распределяет теплую одежду, усиленный продовольственный паек и дрова. Не всем, конечно, а только тем, кто достоин! По легенде, отличать достойных от недостойных помогает профессор К.А. Тимирязев.

Что при царе один профессор мог сделать другому профессору?.. Можно, конечно, у себя на кафедре, в узком кругу отпускать ядовитые остроты в том смысле, что «тут некий господин из Варшавы позволяет себе утверждать, будто бы у него удался опыт с хлорофиллом...». Но не более того.

Увидев в списке достойных профессора М.С. Цвета, Климент Аркадьевич Тимирязев понял: вот он, удобный случай! Так в голодный год М.С. Цвет остался без помощи.

Оговоримся сразу: в советское время о взаимоотношениях К.А. Тимирязева и М.С. Цвета не писали. И это понятно: вспомним задушевный обмен посланиями между К.А. Тимирязевым и В.И. Лениным, а также последствия этой переписки. Я не производил специальных изысканий, но знаю целых четыре топонима на воронежских картах: это улица Тимирязева в Воронеже, село Тимирязево в Каменском, поселки Тимирязево в Новоусманском и Тимирязевский в Панинском районах Воронежской области. Очень может быть, что этим местная «тимирязиана» не исчерпывается!

Короче говоря, крупный ученый и популяризатор науки Климент Аркадьевич Тимирязев попал в очень неприятную историю. Большевики оказали Тимирязеву медвежью услугу, сделали его фигурой вне критики. Само собой понятно, что в те годы, по горячим следам, истину установить было бы нетрудно, нам же достался фольклор Московского государственного университета.

В своей методической разработке «Духовно-нравственное воспитание в рамках предмета химия: "М.С. Цвет — создатель хроматографии"» Е.А. Пономарева пишет: «Легенда утверждает, что против выдачи пайка М.С. Цвету возразил Тимирязев, он не считал Цвета важным для государства» [http://www.openclass.ru/node/230526].

С.Э. Шноль, профессор кафедры биологии физического факультета МГУ, автор весьма известной книги «Герои

ТОЛЧЁНЫЙ МЕЛ ПРОФЕССОРА ЦВЕТА

Михаил ШТЕЙНБЕРГ

и злодеи российской науки» (в другом издании она называется «Герои, злодеи, конформисты российской науки»), в своей открытой лекции и в ее последующем обсуждении на биолого-химическом факультете также коснулся этого вопроса.

«Ведущая Е.С. Шварц: — Вот у меня будет, в таком случае, вопрос. Вот вы упомянули Тимирязева и сказали, что вы его... не очень любите...»

С.Э. Шноль: — Не люблю, да. Понимаете, какая химеричная фигура. Вот я знаю, ОРТ сейчас (запись 2001 г. — М.Ш.) готовит передачу по этому поводу. Когда ко мне приходили, я их направил к людям, которые более профессионально знают биографию этого человека. Это совершенно блестящий человек. Дмитрий (очевидно, ошибка в расшифровке записи. Конечно, следует читать: Климент. — М.Ш.) Аркадьевич

было уже известно от других людей — нужен, чтобы поглощать свет. Шаг очень маленький и не его. Он замечательно описывал историю науки, он делал прекрасные лекции, но он не сделал научного шага. Не найдете вы вклад, который надо бы было вспоминать. А вот стоять у дверей совета, там, где идет защита диссертации, и уговаривать голосовать "против", всякого входящего... Это история с диссертацией Галенкина... Поэтому мне достались рассказы его современников. Хорошо быть старым. Я слушал лекции старых профессоров, которые были во времена Тимирязева активные люди. И наслаждался.

Е.С. Шварц: — Обычно Тимирязева упоминают в связи с его интерпретацией эволюционного учения, дарвинизма и так далее... популяризацией...

С.Э. Шноль: — Ну, конечно... В этом смысле он молодец. Он был поклонником

Дарвина. Это очень хорошо. Но ему принадлежат замечательные речи и статьи против менделизма. Он ничего не понял в генетике. Но он был не главным дарвинистом. У нас был Мензбер (снова ошибка в расшифровке записи. Следует читать: Мензбир. — М.Ш.), у нас было много замечательных людей...»

Комментарии, пожалуй, излишни. Для желающих полный текст здесь: <http://www.yabloko.ru/Union/МММА/future/club02march2001.html>

И мы все вслед за учеными МГУ твердили: без продовольственного пайка М.С. Цвета оставил профессор Тимирязев. Вот и ведущий телевизионной передачи «Гении и злодеи» Л.Н. Николаев выразился вполне определенно: это он! «Он» — это профессор Тимирязев. В этой передаче точка над и была поставлена!

Попробуем sine irae et studio разобратся в этом вопросе.

Попробуем sine irae et studio разобратся в этом вопросе.

Попробуем sine irae et studio разобратся в этом вопросе.

Попробуем sine irae et studio разобратся в этом вопросе.

Попробуем sine irae et studio разобратся в этом вопросе.

«Выпить вина Цекубы»

В романе «Мастер и Маргарита» читаем:

«— Превосходная лоза, прокуратор, но это — не "Фалерно"?

— "Цекуба", тридцатилетнее, — любезно отозвался прокуратор».

Почему же именно «Цекуба», а не какое-нибудь другое вино?

Альфред Барков в своей работе «Роман Михаила Булгакова "Мастер и Маргарита": альтернативное прочтение» пишет:

«Несмотря на то, что слова "Цекуба" официально как бы не существует, оно все же было широко распространено в писательской среде 20–30-х годов. Это — видоизменение аббревиатуры "Цекубу", происходящей от названия "Центральной комиссии по улучшению быта ученых", образованной <...> по инициативе Горького при поддержке В.И. Ленина. Об отношении Горького к ее созданию идет, в частности, речь в статье В. Малкина "Ленин и Горький" в газете "Правда" от 29 марта 1928 года: "В каждый свой приезд Алексей Максимович обязательно ставил вопрос о сохранении и укреплении научно-технических и литературно-художественных кадров. Из таких бесед возникла идея организации Цекубу...".

<...>

Хотя в XX веке больше ценится белое фалернское вино (есть одноименные розовое и красное), по мнению историка виноделия Уорнера Аллена в классическую эпоху фалернское было, скорее всего, красным сухим вином, а Saecuba известнейший знаток виноделия Анри Симон описывает как "грубое, тяжелое" вино, правда, довольно популярное в I веке н.э., в частности, во времена правления Нерона.

<...>

Так, Петроний в "Сатириконе" упоминает о фалернском 100-летней выдержки, хотя это, вероятно, преувеличение...

Булгаков и здесь точен.

<...>

В условиях, когда давно исчезнувшая марка вина существует только в производствах классиков, ассоциация возникает в первую очередь с горьковской "Цекубу".

Писатель Максим Горький известен еще и тем, что и до революции, и после нее он помогал много и многим людям. Впрочем, бывали, конечно, случаи... Вот, что можно прочесть в воспоминаниях Н.Я. Мандельштам:

«В начале тридцатых Бухарин в поисках "приводных ремней" все рвался к "Максимычу", чтобы рассказать ему про положение Мандельштама — не печатают и не допускают ни к какой работе. О.М. (так он называет мужа, Осипа Мандельштама. — М.Ш.) тщетно убеждал его, что от обращения к Горькому никакого проку не будет. Мы даже рассказали ему старую историю со штанами: О.М. вернулся через Грузию из врангелевского Крыма, дважды его арестовывали, и он добрался до Ленинграда (анакронизм. Речь явно идет о Петрограде. — М.Ш.) еле живой, без теплой одежды... Ордера на одежду писателям санкционировал Горький. Когда к нему обратились с просьбой выдать Мандельштаму брюки и свитер, Горький вычеркнул брюки и сказал: "Обойдется"... До этого случая он никого не оставлял без брюк... Бухарин не поверил О.М. и решил предпринять рекогносцировку. Вскоре он нам сказал: "А к Максимычу обращаться не надо"... Сколько я ни приставала, мне не удалось узнать почему».

Эту цитату мы привели для того, чтобы показать, какую роль могут иметь личные отношения в деле помощи ближнему!

Продолжение следует

На фото: «Цвет мог теперь совершать лишь короткие прогулки в сторону обрыва реки Воронеж. Тропинка от дома к реке круто обрывалась у берега, и с высоты открывался завораживающий вид бескрайних заречных просторов, любоваться которыми Цвет мог часами». Так это место выглядит сейчас.

★ Фото: Михаил Штейнберг

Продолжение. Начало см. в № 1

Времена те были смутными, а в смутное время всегда вылезает на поверхность нечто такое, чего раньше люди стыдились, а в переломные моменты развития общества оно становится как бы нормальным. Слова «До революции плохие люди притворялись хорошими, а после революции хорошие — плохими» принадлежат Н.Я. Мандельштам. И не доверять ей нет никаких оснований!

ЗАБЫТЫЙ ПРОФЕССОР

Итак, профессор М.С. Цвет по болезни явиться на работу в университет не может, поэтому жалованья он не получает. На какие средства живут супруги Цвет — решительно неизвестно.

И вот еще один интересный момент: преподаватели ВГУ живут, в основном, в центре города, и только профессор Цвет поселился на Халютинской улице, под горой. Как мы помним, подниматься вверх ему не позволяет состояние здоровья, а университетский экипаж на конной тяге ему предоставили слишком поздно. Как это могло случиться? Очень может быть, что доступное жилье досталось более умелым в житейских вопросах сотрудникам университета... Так бывает!

Профессор Михаил Семенович Цвет умер 26 июня 1919 г. в возрасте 47 лет.

Такая вот, очень грустная, история. И фольклор научных работников МГУ упорно приписывает бедственное положение семьи Цветов профессору Тимирязеву.

Не получается.

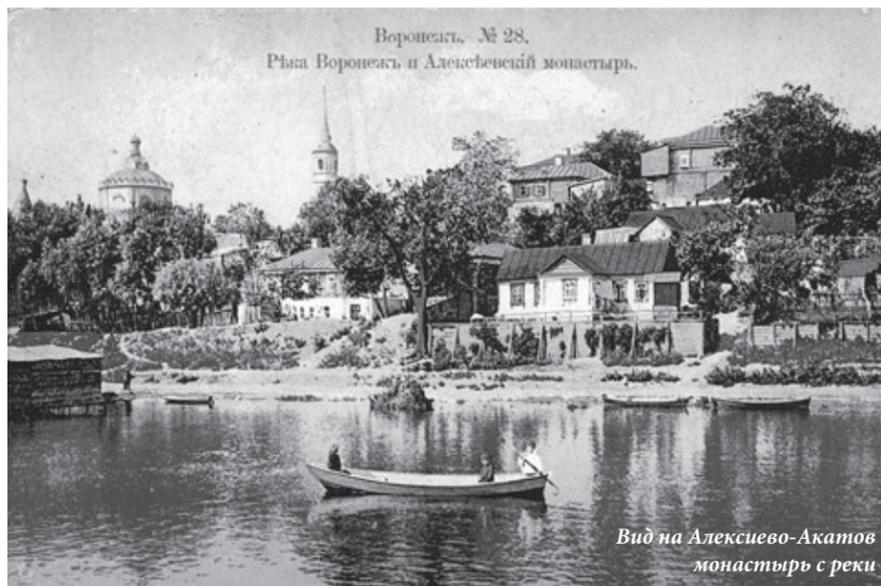
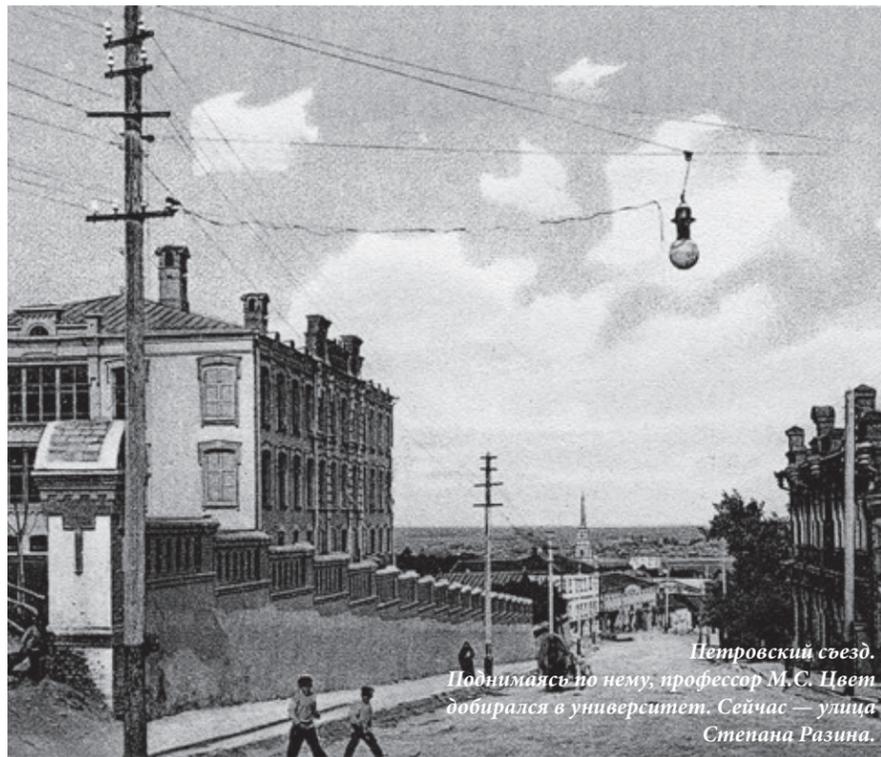
Комиссия по улучшению быта ученых была первоначально создана по инициативе М. Горького в Петрограде в 1920 году, ее преемницей стала Центральная комиссия по улучшению быта ученых при Совете народных комиссаров РСФСР, которая была создана в соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 6 декабря 1921 г. «Об улучшении быта ученых», подписанным за председателя СНК А.Д. Цюрупой и управляющим делами СНК РСФСР Н.П. Горбуновым.

Вполне возможна и такая постановка вопроса: какую силу указания профессора Тимирязева могли иметь для руководства Воронежского государственного университета? Ответ: никакой. В свою судьбоносную переписку с вождем мирового пролетариата В.И. Ульяновым-Лениным профессор Тимирязев вступил в 1920 г., спустя более полугодия после смерти М.С. Цвета. Однако как прав был Пушкин, который эпитафией к своей «Капитанской дочке» поставил: «Береги честь смолоду»...

Могила М.С. Цвета не сохранилась. Где он был похоронен — загадка для воронежских краеведов. Принято считать, что профессор М.С. Цвет был погребен на кладбище Алексиево-Акатова монастыря. Однако Е.М. Сенченкова ссылается на воспоминания Е.А. Лященко, племянницы М.С. Цвета, которая указывала местом

ТОЛЧЁНЫЙ МЕЛ ПРОФЕССОРА ЦВЕТА

Михаил ШТЕЙНБЕРГ

погребения Чугуновское кладбище. И это вполне логично.

В достаточно обширной литературе о профессоре Цвете есть сведения, что он умер в университетском госпитале № 25. Странная нумерация! Если исходить из нее, то получается, что в губернском городе Воронеже при медицинском факультете университета было еще, как минимум, 24 госпиталя, что вряд ли соответствует действительности.

Теоретически возможен еще один вариант. Это самое старое из сохранившихся в городе Терновое кладбище. Если Михаила Семеновича хоронили из дома (предположим такой вариант), то в качестве одного из вариантов это кладбище вполне могло быть местом упокоения заслуженного человека: в те времена оно было действующим, там были похоронены участники двух Отечественных войн: 1812 года и Первой мировой. Правда, это кладбище находится несколько далее от Халютинской улицы, чем кладбище Алексиевского монастыря.

Но! Неужели вдова профессора М.С. Цвета, ученого-естествоиспытателя, хотела во что бы то ни стало похоронить мужа именно на монастырском кладбище?

Далее. Если Цвет умер в университетской клинике, то его могли отвезти на кладбище прямо оттуда. И тогда самым удобным вариантом, если это клиника на Большой Дворянской (проспекте Революции) становится Чугуновское кладбище.

Если он умер в бывшей больнице Общины сестер милосердия, в которой также располагалась клиническая база медицинского факультета ВГУ, то похороны могли пройти на Новостроящемся кладбище. Месторасположение его воронежцам сегодня известно по Литературному некрополю — это все, что осталось от места упокоения многих именитых жителей города.

Но! Спрашивается, если племянница М.С. Цвета уверенно называет Чугуновское кладбище, то этому, думается, можно верить. В самом деле, почему приезжий человек запомнил именно этот топоним? Наиболее разумный ответ: очевидно, она запомнила его по той причине, что на этом кладбище и был похоронен ее дядя, профессор Михаил Семенович Цвет.

Конечно, это гипотетический вывод. Как водится, один из нескольких. Совместно с работниками Музея истории Воронежской государственной медицинской академии имени Н.Н. Бурденко мы попытаемся понять, что другие авторы понимают под университетским госпиталем № 25, как мы видим, ответ на этот вопрос может помочь установить хотя бы приблизительно место упокоения знаменитого ученого.

Продолжение следует

Университетский человек

Продолжение. Начало см. в № 1

Что ж, а мы попробуем подвести черту под этим заочным противостоянием Тимирязев — Цвет.

В то, что профессор Тимирязев сыграл неблагоприятную роль при назначении Михаила Семеновича Цвета на должность профессора Новороссийского университета в Одессе, поверить можно. Интриги и тогда были интригами. Так М.С. Цвет стал профессором Юрьевского университета, вследствие чего и оказался, в конце концов, в Воронеже. В Одессе все могло сложиться по-другому. В таком случае не было бы дополнительных разъездов и переездов, не было бы такой нагрузки на здоровье... И если так, то вина профессора Тимирязева в смерти М.С. Цвета — пусть и невольная — несомненна.

КТО ВЫ, РЕКТОР РЕГЕЛЬ?

Воспоминания основателей Воронежского государственного университета дошли до нас в печатном варианте, мягко выражаясь, в сильно отредактированном виде: это заметно по стилистике и композиции текстов. Такова была эпоха борьбы за чистоту идеологии! Как сказал писатель Алан Беннет, «Я целиком за свободу самовыражения, при условии, что она будет под строгим контролем». Но шутки в сторону!

Вот что писал профессор К.К. Сент-Илер:

«Юрьев-Дерпт. Маленький чистый университетский городок немецкого типа.

<...>

Характер Дерпта коренным образом переменялся, когда он был переименован в Юрьев (его старинное название) и когда в прибалтийских провинциях крутой рукой Александра III начала проводиться русификация. Особенно это отразилось на университете.

<...>

Русские профессора и русское студенчество, изолированные от немецкого и эстонского населения, жили собственной жизнью и невольно сближались. На студенческих вечерах желанными гостями были профессора и ассистенты, и за столами, заставленными пивными бутылками, велись задушевные речи, произносились тосты.

Учебный год был короток: собирались к началу сентября, а к 12 декабря — годовщине основания университета — студенты уже разъезжались на зимние каникулы, продолжавшиеся месяц. Во втором семестре занимались тоже месяца 3½. Работали с прохладцей.

<...>

Преподавание велось, хотя и не очень интенсивно, но в общем неплохо: читались лекции, хорошо были поставлены практические занятия...

<...>

Что касается научной жизни, то она как будто и была интенсивна: среди русских профессоров было много крупных ученых, известных своими трудами не только в России, но и за границей; некоторые из них... были избраны в Академию наук; университет издавал ученые записки (несколько книжек в год); существовали ученые общества. Хорошо работало, например, общество естествоиспытателей: оно собиралось регулярно каждый месяц, издавало труды и имело прекрасную библиотеку. Но эта интенсивность была только кажущейся; при наличии больших научных сил и при достаточном количестве свободного времени общая научная продукция должна была бы быть гораздо большей.

Профессора не очень прилежались к занятиям наукой: увлекались лаун-теннисом, зимой посещали гимнастический зал, заходили друг к другу в гости, засиживались в венской кондитерской за кофе и за шахматами, некоторые занимались музыкой или театром. Летом

ТОЛЧЁНЫЙ МЕЛ
ПРОФЕССОРА ЦВЕТА

Михаил ШТЕЙНБЕРГ

многие уезжали за границу в так называемые научные командировки. Вообще тонуса научной работы не было. Можно указать целый ряд юрьевских профессоров и преподавателей, которые за 56 лет не написали ни одной научной работы.

<...>

[Профессор В.Э. Регель] был человек властный, упрямый и энергичный, несмотря на преклонный возраст. Он состоял в числе профессоров Юрьевского университета, но там не играл никакой роли. Он сумел выбраться из Юрьева во время оккупации

Миссия эта была тем более трудной, что в Дерпте смутно представляли себе, куда же следует ехать — в Петроград или Москву, поэтому профессор Яковенко, например, получил командировочное предписание выехать «в место нахождения центральной высшей власти» России.

В июне 1918 года Народный комиссариат просвещения создает Комитет по организации университета в Воронеже. Председателем Комитета назначен профессор Регель.

(немецкой — М.Ш.) и добился посылки из России поезда для перевозки персонала университета».

...Профессор Императорского Юрьевского университета Василий Эдуардович Регель был известным в свое время специалистом по истории и культуре Византии. Действительно, в трудное военное время он взял на себя сложнейшую миссию поезда в Петроград и Москву для выяснения самых насущных вопросов существования университета. В подобные командировки выезжали профессора М.Е. Красножен и П.А. Яковенко, но именно роль Василия Эдуардовича Регеля была, очевидно, решающей. Кстати, напомним: именно профессор Регель привез в Дерпт деньги, благодаря которым удалось выплатить сотрудникам университета причитающиеся им жалованье и выехать в Воронеж.

И вот 2 октября 1918 г. новый ректор ВГУ отправляет в Москву телеграмму:

«СОВЕТ ЗАСЕДАНИИ ТРИНАДЦАТОГО ИЗБРАЛ МЕНЯ РЕКТОРОМ ВОРОНЕЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ТЧК ВВИДУ КРАЙНЕ СЛОЖНОЙ РАБОТЫ ОРГАНИЗАЦИИ УНИВЕРСИТЕТА ПРОШУ ОСТАВИТЬ СИЛЕ ТАКЖЕ КОМИТЕТ УСТРОЙСТВА УНИВЕРСИТЕТА ПОД МОИМ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ В СОСТАВ КОТОРОГО ВХОДЯТ ПРОФЕССОРА ПРЕДСТАВИТЕЛИ ГУБИСПОЛКОМА МЕСТНОГО ОБЩЕСТВА И СТУДЕНЧЕСТВА ТЧК РЕКТОРУ ПРОШУ ПРЕДОСТАВИТЬ УЧЕБНУЮ ЧАСТЬ ВЫБОРЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО ПЕРСОНАЛА И ТЕКУЩИЕ ДЕЛА ТЧК ПРОШУ ТЕЛЕГРАФИРОВАТЬ».

Решение, казалось бы, очень толковое. Но если подумать как следует, то получается, что ничего не понятно. Ректор не

может заниматься различными «мелочами», поэтому полномочия Комитета по организации университета сохраняются, но Комитет все равно работает под председательством ректора. По всей видимости, речь идет о формальном председательстве и выборочном контроле работы Комитета. А у семи нянек, как известно... Далее ректор просит предоставить ему управление учебной частью университета, выборами преподавательского персонала и текущими делами. Но ведь эти вопросы и без особого распоряжения Наркомпроса все равно находятся в компетенции ректора! Опять же: если ректор занимается текущими делами, то что будет делать Комитет? Упомянутый в телеграмме Совет профессоров университета был созван для избрания ректора и проректора (последним стал К.К. Сент-Илер) и как бы выводится из системы управления университетом. Добавим к этому, что К.К. Сент-Илер пишет: «...всею деятельностью университета (в Воронеже. — М.Ш.) руководило Правление». Не совсем также ясно, что стало с Ученым советом университета — следует ли под словом «Правление» понимать Ученый совет? Почему в телеграмме Регеля нет ни слова ни о Правлении, ни об Ученом совете? Нет, решительно ничего не понятно...

Кстати, по другим источникам, выборы ректора состоялись 30 сентября.

Род занятий всегда накладывает отпечаток на человека — очевидно, профессор Регель вполне перенял и усвоил вычурные византийские обычаи! Недаром психологи говорят о профессиональной деформации личности.

На старом месте, в городе Юрьеве, Василий Эдуардович среди профессоров университета не был заметной фигурой. Однако, в нужный момент он проявил надлежащую активность. Так бывает!

На фото: Улица Студенческая, учебный корпус № 7 ВГУ. Это один из очень немногих фрагментов Воронежского кадетского корпуса, сохранившихся до нашего времени. Это здание лазарета. Сейчас здесь размещается фармацевтического факультета.

* Фото: Михаил Штейнберг

Продолжение следует.

Праздник памяти выдающегося ученого

19 сентября по адресу: ул. Театральная, д. 19 состоялось открытие мемориальной доски выдающемуся воронежскому математику В.И. Соболеву (1913—1995).

На церемонии открытия выступили декан математического факультета ВГУ, профессор Александр Баев, ветеран ВГУ, ученый секретарь Совета ректоров вузов Воронежской области, доцент Владимир Листенгартен, коллеги и ученики Владимира Ивановича. По их словам, Владимир Иванович был замечательным человеком и педагогом, великолепным организатором науки. Широко известная Воронежская математическая школа возникла в 1950-х годах, когда в наш город благодаря приглашению Владимира Соболева (в те годы — проректора по науке ВГУ) при-

ехали два выдающихся математика — Селим Григорьевич Крейн и Марк Александрович Красносельский. Открытие мемориальной доски В.И. Соболеву — это большое событие не только для ВГУ, но и для его учеников, последователей и всей научно-педагогической общественности нашей области.

Это далеко не первая мемориальная доска, расположенная здесь. В послевоенные годы по адресу Театральная, 19, проживали многие, ныне увековеченные, профессора ВГУ: геолог Митрофан Степанович Точилин, историк Илья Николаевич Бороздин, физик Мария Афанасьевна Левитская, математик Марк Александрович Красносельский. Мемориальная доска Владимиру Ивановичу Соболеву стала достойным пополнением в этом ряду.

Юрий ЛЕБЕДЕВ

* Фото: Михаил Штейнберг

На фото: выступает декан матфака А.Д. Баев

Продолжение. Начало см. в № 1

Недаром говорится, что каждая эпоха имеет своих героев. Смутная эпоха Гражданской войны выдвинула в первые ряды университетской администрации ректора Регеля. И сейчас мы посмотрим, почему.

Кстати, мимоходом можно вспомнить старую советскую песню со словами: «Когда страна прикажет быть героем, у нас героем становится любой!» И, по всей видимости, это действительно так...

РЕГЕЛЬ ДО РЕВОЛЮЦИИ

Тихим человеком Василий (Андреас Фридрих Вильгельм) Эдуардович Регель не был, наверное, никогда. Как правильно заметил профессор К.К. Сент-Илер, г-н Регель «не играл никакой роли» в старом Юрьевском университете. Однако... Помните, у Гоголя?

«Ноздрев был в некотором смысле исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории. Какая-нибудь история непременно происходила: или выведут его под руки из зала жандармы, или принуждены бывают вытalking свои же приятели. Если же этого не случится, то все-таки что-нибудь да будет такое, чего с другим никак не будет... Ноздрев во многих отношениях был многосторонний человек, то есть человек на все руки. <...> это происходило просто от какой-то неугомонной юркости и бойкости характера».

Вовсе не желая проводить параллель между Регелем и Ноздревым, мы скажем честно: чем-то они все-таки похожи! И этим «чем-то» была способность попадать в различные истории.

В.Э. Регель родился в 1858 г. в Санкт-Петербурге, выпускник гимназии Церковного реформатского училища (в высшем классе пробыв почему-то два года), вот выписка из аттестата зрелости: «...на основании наблюдений за всё время обучения в Церковном реформатском училище, поведение его было очень хорошее, исправность в посещениях и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ тщательна, прилежание очень хорошее, любознательность по всем предметам очень живая». По русскому языку и русской словесности оценки «удовлетворительно» и «хорошо», по немецкому языку и немецкой словесности — только «очень хорошо». Кстати, по всеобщей истории — «удовлетворительно» и «хорошо», а по истории России — «удовлетворительно». В 1880 г. окончил историко-филологический факультет со степенью кандидата Санкт-Петербургского университета¹. Студентом интересовался славяноведением. Был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. С 1881 г. служит делопроизводителем в Департаменте народного просвещения. В 1884 г. уезжает за границу для подготовки к защите магистерской диссертации по византийской истории. Эта подготовка шла до 1887 г. Потом В.Э. Регель работал в Берлине, Лейпциге, Вене, Константинополе, Афинах, Лондоне, Барселоне, на острове Патмос, в европейской части Турции... В 1886—1909 гг. Василий Регель — приват-доцент Санкт-

ТОЛЧЁНЫЙ МЕЛ ПРОФЕССОРА ЦВЕТА

Михаил ШТЕЙНБЕРГ

я возиться с перепиской по именам, тямбам и т. п. Таких документов сотни».

Но вспомним еще раз о том, что это точка зрения советского человека, homo soveticus, а у Василия Эдуардовича Регеля есть своя правда. Он подает прошение на имя попечителя Санкт-Петербургского Учебного округа:

«Состоя приват-доцентом историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета, я был уволен в отпуск по представлению ректора за границу, сроком с 20 августа по 20 ноября 1907 года для ученых занятий в монастырях Афона, в удостоверение чего представляю при сем копию свидетельства ректора университета от 24 августа 1907 года за № 970.

В январе месяце 1908 года я получил официальное уведомление от г. декана историко-филологического факультета о том, что на основании постановления факультета согласно ст. 113 Устава Российских университетов, я отчислен от звания приват-доцента, как лицо, не приступившее к чтению лекций без уважительных причин в течение осеннего полугодия 1907 года.

Считая такое постановление неправильным, так как распоряжение Министра народного просвещения об увольнении меня в отпуск для ученых занятий несомненно служило уважительною причиною, предусмотренного ст. 113 Устава Российских университетов и освободившего меня от чтения лекций, я обжаловал такое постановление историко-филологического факультета господину попечителю С.-Петербургского Учебного округа. Ввиду сего г. попечителем Учебного округа предложением от 20 ноября 1908 года за № 24 739 постановлением историко-филологического факультета было отменено. Г. декан историко-филологического факультета не принял со своей стороны никаких мер к исполнению распоряжения г. попечителя Учебного округа, как видно из следующих обстоятельств:

- 1) г. декан историко-филологического факультета, сообщивший мне в январе месяце 1908 года об отчислении меня из состава приват-доцентов, не считал нужным поставить меня в известность о включении меня вновь в состав приват-доцентов;
- 2) ни в весеннем, ни в осеннем полугодии 1909 года я не был вновь включен в список преподавателей факультета, а на официальном запросе С.-Петербургского окружного суда, в котором в 1909 году вызывали меня в свидетели, последовал ответ, что такого преподавателя в университете нет;
- 3) <...>

Надо полагать, что г. декан историко-филологического факультета, не признавший в 1908 году для себя обязательным распоряжение г. Министра народного просвещения об увольнении меня в отпуск, одинаковым образом в 1909 году не признал для себя обязательным распоряжение г. попечителя С.-Петербургского Учебного округа от 22 ноября 1908 года и 28 января 1909 года, которые были отменены постановлением факультета об отчислении меня от университета и против которого он сам официально возражал г. попечителю Учебного округа, и считал себя вполне свободным в своих действиях.

Получив в апреле месяце сего 1913 года письмо от вице-директора Департамента общих дел Министерства народного просвещения о сообщении ему сведений о моей службе при С.-Петербургском университете, я подал прошение г. ректору университета о выдаче мне соответствующего удостоверения. <...>

Продолжение следует.

Петербургского университета. Степень магистра всеобщей истории получил в 1892 г. за работу «Über die Chronik des Cosmas von Prag»², был редактором журнала Академии наук «Византийский Временник». В 1898 г. избран членом-корреспондентом Императорской Российской Академии наук. С мая 1913 г. — экстраординарный профессор Императорского Юрьевского университета на кафедре всеобщей истории. С 1914 г. — попечитель, впоследствии — директор Высших женских курсов, с 1915 г. редактирует журнал «Византийское Обозрение». С октября 1917 г. — заслуженный профессор.

— И что? — спросит нетерпеливый читатель. — Пока у нас выходит портрет вполне почтенного профессора. При чем же здесь гоголевский Ноздрев с его несносными историями?

А вот при чем. Все это время в канцеляриях идет оживленная переписка. В 1971 г. исследователем Н. Остроумовым проводится сбор материалов для Музея истории ВГУ. И вот что пишет об этой переписке Н. Остроумов:

«Что-то в биографии В.Э. Регеля есть скандальное. Три обращения Окружного суда в университет с просьбой сообщить, где находится В.Э. Регель, одно даже, кажется, по уголовным делам. Из состава приват-доцентов В.Э. Регель был исключен за неявку без уважительных причин для чтения лекций, хотя о курсе объявлял студентам каждый семестр; в одном случае Юрьевский ун[иверсите]т запрашивает Петербургский о документе на звание магистра, указывает дату, когда этот документ выдан, Петербургский университет отвечает, что в его делах такого документа не значится. Запрашивает волостной старшина о бывшем владельце имения в Минской губернии В.Э. Регеле. В общем, что-то малопонятное. Частые выезды за границу то по научным делам, то по семейным, то по болезни и вызовы в суд совпадают с этими выездами.»

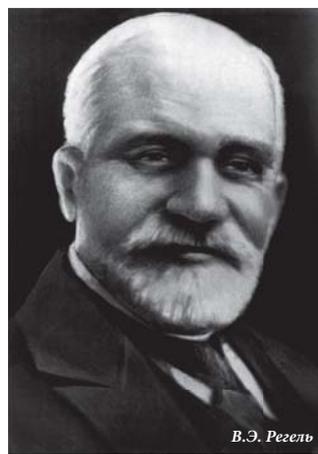
И далее.

«Все больше и больше вырисовывается какое-то неприглядное лицо Регеля. У него было четыре имения: в Елисаветпольской, Смоленской, Минской (в двух уездах) губ[ерниях] и земли в Петербургской. Имения немалые, в одном, например, сторепо 128 дес[ятин] леса. Был завод лаков и красок в Вене и в Петербурге, два дома в Петербурге и один в Вене. Пытался организовать в одном из имений железодельный завод, а в другом — бумажный, судился с крестьянами, арендаторами. В общем, был крупным дельцом, где же занимаясь лекциями и наукой? <...> На понедельник [я] заказал материалы, в которых, быть может, удастся найти след о загадочном получении степени магистра, что же касается, доктора, нигде и ничего об этом нет».

Сейчас уже многим людям, наверное, уже трудно понять, чем же это плохо — владеть землей, домами, управлять лакокрасочными заводами и попытаться создать у себя в имении железодельный завод. Невольно вспоминается одна

из шуток Бернарда Шоу: «Мир состоит из бездельников, которые хотят иметь деньги, не работая, и придурков, которые готовы работать, но богатея». Но исследователь Остроумов — человек советский, а при советской власти все это было и в самом деле предсудительно! Но, поборов личную неприязнь, Н. Остроумов продолжает свое исследование:

«Наконец, биография В.Э. Регеля прояснилась. В прошлом (конечно, XIX. — М.Ш.) столетии он был, по-видимому, настоящим ученым. В 1892 году защитил магистерскую диссертацию в Дерптском университете. Название на немецком языке, вероятно, и весь текст на

В.Э. Регель

немецком. А так как в Юрьеве были профессора преимущественно из немцев, там и защищаться было легче. В 1896 году <...> был избран в члены-корреспонденты Академии наук. Но в 1899 году женился на Берте, урожденной Лохер, где-то за границей. А она <...> была женщиной «деловой». В Петербурге арендовала лакокрасочный завод. Видимо, и в Вене завод принадлежал ей. Тут и самому В.Э. стало не до науки, у него оказался каменный двухэтажный дом в Петербурге и 35 десятин земли, а в Минской губ[ернии] уже 60 000 десятин. Потом имения в Елисаветпольской губ[ернии], в Смоленской и т. д.

В 1912 г. [В.Э. Регель], вероятно, подал прошение на конкурс на замещение должности профессора, но Ученый совет его забаллотировал. Тогда вмешивается министр и в 1913 г. назначает В.Э. экстраординарным профессором, а позднее Государь Император Высочайшим повелением утверждает [В.Э. Регеля] профессором. В 1917 г. Временное правительство издает указ: профессора, назначенные, не избранные и прослужившие 30 лет, должны быть отчислены. Регель не подает прошение об увольнении, но едет в Петроград, что-то там делает, потом присылает заявление на имя ректора Юрьевского ун[иверсите]та о том, чтобы его оставили внештатным профессором и присвоили звание «Заслуженного профессора»³, т. к. он преподавал в ун[иверсите]те тах 25 лет. Ректор отвечает попечителю (очевидно, Учебного округа. — М.Ш.), что Регель проработал не 25 лет, а 23 года, 6 месяцев [и] 26 дней, поэтому присвоить ему звание Заслуженного профессора нельзя. <...> Между прочим, в Юрьеве он был избран на три года ректором Высших женских курсов. Имел орден Св. Анны 2-й степени и чин Статского советника³, но остался магистром на всю жизнь, до доктора не дотянулся. <...> Не стал

¹ Кандидат университета, кандидат — академическая степень. Присваивалась выпускникам, закончившим с отличием курс университета, лицей или академии, представившим соответствующую письменную работу, наподобие современной дипломной работе.

² «О хронике Козьмы Пражского» (нем.).

³ Что соответствовало чину бригадного генерала, т. е. примерно между полковником и генерал-майором.

Продолжение. Начало в № 1

ТОЛЧЁНЫЙ МЕЛ ПРОФЕССОРА ЦВЕТА

Михаил ШТЕЙНБЕРГ

...вся вина за то, что с 1909 г. я не мог приступить к чтению лекций в университете, падает не на меня, а на г. декана историко-филологического факультета, а потому г. ректор неправильно ссылается на ст. 113 Уст. Росс. Университетов... напротив, сообщением университета в С.-Петербургский окружной суд, последовавшем в 1909 году о том, что я не состою преподавателем университета, я прямо был введен в заблуждение. О указанном распоряжении г. попечителя Учебного округа я узнал только тогда, когда по случаю моего назначения на должность профессора Юрьевского университета мною по сему делу было подано начальнику Учебного округа в 1912 году особое прошение для выяснения моего служебного положения.

Вследствие сего имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство:

1) истребовать от ректора Императорского С.-Петербургского университета и от профессора О.Ф. Зелинского, бывшего в 1908 году деканом историко-филологического факультета надлежащие по сему делу объяснения;

2) зачесть мне в срок моей приват-доцентуры при Императорском С.-Петербургском университете время с 1 января 1910 г. по 28 мая 1913 г., когда последовал Высочайший приказ по Министерству народного просвещения о назначении меня профессором Императорского Юрьевского университета...».

Столь длинную цитату мы приводим только для того, чтобы читателю стало понятно, каких бед мог натерпеться человек, неосторожно вступивший в служебную переписку с профессором Регелем! Кстати, в Петербурге Регель был забаллотирован «большинством 21 избирательного голоса против 11 избирательных». Итоги голосования, казалось бы, весьма убедительны. Но... грешным делом кажется, что Николай II, человек тихий, назначил В.Э. Регеля на должность экстраординарного профессора всеобщей истории в Императорский Юрьевский университет, боявшись погрузки во всю эту «изящную словесность». Ну, а в канцелярии Попечителя Санкт-Петербургского учебного округа трудились люди крепче. В ответ на цитированную выше бумагу г-н Регель по своему юрьевскому адресу получил из этой канцелярии такую бумагу:

«Вследствие прошения от 9 ноября 1913 года имею честь уведомить Вас, Милостивый Государь, что Историко-Филологический факультет Императорского С.-Петербургского университета, рассмотрев прошение Ваше, не усмотрел достаточных оснований к изменению своего взгляда, т. е. что Вы должны считаться сложившим с себя звание приват-доцента С.-Петербургского университета с 1 января 1910 года».

Что касается доходов, то историк Регель, действительно, был весьма состоятельным и даже богатым человеком. В его трудовую (подчеркиваю: трудовую!) деятельность следует обязательно внести и его хозяйственные заботы. Так, он ведет переговоры с г. А. Арндтом, К. Бурелли и другими (всего, по подсчету все того же исследователя Н. Остроумова, по этим вопросам у Регеля целых 14 деловых партнеров!) по продаже леса и денежным операциям (переписка на русском и немецком языках), с г. И. Зальцманом — о денежных операциях, покупке и продаже земли (10 партнеров). Будущий ректор ВГУ у наследников хана Давида Джаваншара покупает через посредников земли в Даванширском, Шушенском (сосед В.И. Ульянова-Ленина, однако. — М.Ш.) и Зантезурском уездах, у князя

М.Л. Гогенлоз — имени Калацевичи. В Слуцком уезде Минской губернии покупает имение Начляховское. Регель собирает доходы от домов в Вене и Санкт-Петербурге, продает лесную дачу Татаринка Сычевского и Бельского уездов Смоленской губернии, совместно с бароном Р. Оппенгеймом организует акционерное общество, а с Л.С. Залкидом — картонную фабрику, ведет переписку «о постройке в имениях Буйновичи и Стодомичи железодельного завода для обработки железной руды, залегающей в имениях» и «об устройстве бумажного завода в имении Буйновичи».

В делах финансовых В.Э. Регель чувствует себя как рыба в воде. А что же научная работа? Толковый хозяйственник, Василий Эдуардович Регель, по всей видимости, и вправду увлекался наукой. И работал, наверное, так: «Он землю пощипет — пощипет стихи». Греха в этом никакого нет!

В свою, очевидно, первую заграничную командировку «с ученою целию» В.Э. Регель выезжает в 1889 г. по Высочайшему повелению Александра III.

И вот в декабре того же года декан получает от Регеля следующее ходатайство: «Летом сего года я был командирован за границу с ученою целию для занятий по истории Византии. Отчет о моих занятиях мною представлен в Министерство народного просвещения, где я рассматривался Ученым комитетом.

В библиотеке Св. Марка в Венеции мне удалось открыть греческую рукопись[,] весьма интересную для Византийской истории. В ней помещается, между прочим, до 10 000 стихов на разные события и происшествия XII в., которым я занимаюсь специально для своих диссертаций. Там же находятся 17 речей, неизвестных мне, обращенных к императору Льву VI Мудрому.

К сожалению, я нашел эту рукопись так поздно, что по краткости оставшегося в моем распоряжении времени я успел списать только незначительную часть находящегося там материала. Ввиду сего начальство библиотеки обещало мне выслать упомянутую рукопись в С.-Петербург, если о том последует официальное сношение установленным порядком.

Сообщая о вышеизложенном, имею честь обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой не отказать в моем ходатайстве о том, чтобы выписать в университет официальным путем из библиотеки Св. Марка в Венеции «Codex graecus 524 (cat. Zanetti) Miscellanea».

Запускается канцелярская машина. По всей видимости, декан переправляет прошение Регеля ректору М. Владиславлеву, который, в свою очередь,

просит Попечителя учебного округа «ходатайствовать установленным порядком о высылке в С.-Петербургский университет» искомой рукописи. Департамент разряда высших учебных заведений Министерства народного просвещения уже в январе следующего года пишет ректору ответную бумагу: «Департамент народного просвещения имеет честь препроводить при сем

совершенно восхитительный документ. Удержаться от его цитирования трудно, а может быть, даже и вовсе невозможно:

«Вследствие представления бывшего ректора С.-Петербургского университета от 7 декабря 1889 г. за № 1993, препровождаю при сем доставленную мне при предложении г. Управляющего Министерством народного просвещения от 12 сего июля за № 11466 греческую рукопись под заглавием «Codex graecus 524 (cat. Zanetti) Miscellanea», принадлежащую библиотеке Св. Марка в Венеции, и присланную ныне нашим послом в Риме для научных занятий приват-доцента С.-Петербургского университета В.Э. Регеля, я, согласно вышеозначенному предложению Его Сиятельства г. Управляющего Министерством народного просвещения, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство доставить мне, для сообщения в оное Министерство, а оттуда в Министерство иностранных дел, расписку в получении упомянутой рукописи».

Могучая канцелярская машина, шипя и отдуваясь, начинает сбавлять обороты. В заключение этой истории из недр неумолимых канцелярий извергаются: сообщение Управляющего СПб округом о препровождении расписки библиотеки в получении рукописи, отношение университетской библиотеки главному секретарю совета М.П. Белозерову о возврате рукописи и бумага, отправленная 4 июля 1891 г. г-ном ректором г-ну Управляющему СПб Учебным округом, которая сообщает о возвращении рукописи.

Канцелярская машина сделала свое дело. Впрочем, она система, как известно, мультизадачная и может делать много дел одновременно. Что же касается молодого ученого Василия Регеля, то в случае с греческой рукописью, как видно, чуть было не разразился очередной скандал в ноздревском стиле. Но все хорошо, что хорошо кончается...

Спасибо канцелярской машине!

РЕГЕЛЬ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

Совершенно очевидно, что Михаил Семенович Цвет и Василий Эдуардович Регель были очень разными людьми. Если в свободное от научной работы время Цвет занимается общественной деятельностью, то Регель погружен в финансовые и хозяйственные хлопоты. Поэтому представляется совершенно естественным, что именно Василий Эдуардович Регель взял на себя хлопоты по спасению Юрьевского университета. Скажем прямо: Регель очень помог ректору В.Г. Алексееву, человеку пожилому и уже не очень крепкому здоровьем.

Продолжение следует.

Город Дертт 13 мая 1918 г.

Немецкие офицеры с дамами на горе Домберг.

Развалины старинного замка рядом с университетской библиотекой

* Фото: Йенс-Олаф Вальтер

к Вашему Превосходительству отчет о занятиях за границей приват-доцента С.-Петербургского университета Регеля, а равно копию выписки из журнала Ученого комитета Министерства народного просвещения от 20 декабря 1889 г. за № 909 с заключением Комитета по сему отчету».

Канцелярская машина, скрипя, набирает обороты! Ректор «препроводит» декану упомянутые бумаги. В конце концов, переписка становится уже воистину международной. Наконец, 20 апреля Попечитель учебного округа получает от Министра вот что: «Вследствие представления от 14 декабря прошлого года, за № 10327 по вопросу о высылке в С.-Петербургский университет для научных занятий приват-доцента Регеля принадлежащей библиотеке Св. Марка в Венеции греческой рукописи под заглавием «Codex graecus 524», имею честь уведомить Ваше Превосходительство на основании отзыва г. Министра иностранных дел, что итальянское Министерство народного просвещения не признало возможным выслать названную рукопись».

Уже летом, 17 июля, исполняющий обязанности ректора С.-Петербургского университета получает от управляющего Учебным округом Л. Лаврентьева

Университетский человек

Продолжение. Начало в № 1

В сложных условиях военного положения — когда, казалось, воевали все против всех — В.Э. Регель, человек с большим опытом ведения хозяйства, взял на себя основную часть всех университетских хлопот, связанных с командировками, переговорами с представителями советской власти. И самое главное: он сумел получить от большевиков деньги, которые позволили начать эвакуацию университета в Воронеж. Но коллектив университета отнесся к этому не вполне однозначно. Как мы уже знаем, профессор К.К. Сент-Илер удивлялся: тихий профессор Регель (известно, какой он был тихий) вдруг стал играть значительную роль в университете. Но это очень характерно для переломных эпох в развитии общества.

Можно с уверенностью сказать, что в Воронеже Регель принял пост ректора университета в полном соответствии с логикой событий тех лет. Вспоминает доцент Л.Г. Минин:

«Я хорошо помню этого высокого, стройного, слегка согнутого в спине старика с седой головой, с короткой седой бородкой. <...> Он был очень далек от политики, его даже нельзя было назвать сочувствующим большевистской партии, он не был знаком с основами учения Маркса-Ленина, как и вся профессура тех

времен, он многого не понимал в политике советской власти. Но он был патриот своей Родины, понимал, что молодая советская республика нуждается в кадрах, и он, не покладая рук, работал на своем посту, честно выполняя свой долг перед Родиной. Хотя он особенно не интересовался политикой, но в своей работе он себя вел как дипломат, очень осторожно, умно. Он никогда не совершал действий, противоречащих его совести и долгу патриота России и, я бы сказал, советской России».

Одним из самых сложных административных вопросов был вопрос о возврате университетского имущества в Эстонию. Имущество это было вывезено, очевидно, с разрешения германских оккупационных властей — в противном случае железнодорожные вагоны не вышли бы в направлении России. Нужно сказать, что на протяжении почти всего XX века Тартуский университет ставил вопрос о реституции. В годы Великой Отечественной войны специалисты из Тарту принимали участие в каталогизации и вывозе университетских книг из оккупированного Воронежа. И после войны Тартуский университет не терял надежды на возврат того имущества, которое сохранилось в ВГУ. Но вернемся к воспоминаниям доцента Л.Г. Минина:

«По мирному договору с Эстонией РСФСР обязался вернуть Эстонии имущество Дерптского университета. Большая

ТОЛЧЁНЫЙ МЕЛ
ПРОФЕССОРА ЦВЕТА

Михаил ШТЕЙНБЕРГ

часть имущества стояла упакованной под охраной на бывшем заводе Петичева (теперь им. Коминтерна), часть имущества была отправлена в Томск. Я не знаю точно судьбу этой части имущества, но знаю, что в Томск ездил по этому поводу профессор Култашев (здесь в рукописи примечание З.П. Ефимовой, что "в Томск за платиновыми реактивами ездил молодой Киреевский..." — М.Ш.), который, кажется, ничего не привез, может быть этого и не требовалось <...>».

Эти воспоминания дошли до нас в машинописи, вторая (если не третья) копия под копирку. Текст не то что не отредактирован, но даже плохо вычитан с точки зрения правки элементарных опечаток. Что ж, тем достовернее это свидетельство:

«Однажды на заседании Правления университета, на котором я присутствовал, Регель, ведя протокол заседания (на левой стороне журнала секретарь Савицкий заранее записывал вопросы, которые вносились на обсуждение, а на правой стороне вносились решения). Прочее: "Сообщение ректора

об аресте Губчека таких-то сотрудников, сторожей склада на заводе Петичева и какого-то сотрудника кафедры гистологии — эстонца" (фамилии их не помню). Постановили "принять к сведению". Мы только потом поняли, в чем дело. Регель убрал нежелательных свидетелей по согласованию с Губисполкомом».

Неплохо для профессора университета, правда? Но это еще не все, вот продолжение этой дивной истории:

«Через несколько дней я с членом старостата Мильнером пошел на завод Петичева (мы там уже бывали, нас туда пускали, так как сторожа нас знали). Каково же было наше удивление, когда мы увидели пустые склады. Мы побежали к Регелю, зашли к нему в кабинет и сказали, что на заводе нет совершенно университетского имущества. Регель вскочил с кресла, мы видели, как он задрожал, задал нам вопрос: "Откуда вы знаете?". Сказали, что были на заводе. Когда он немного успокоился, сказал: "Никому ничего не говорите, имущество цело, его спрятали в другом месте"».

Окончание в следующем номере

Юбилей

Доктор политических (кандидат философских) наук Александра Викторовна Глухова относится к тому университетскому поколению, которое вступало в научно-педагогическую деятельность на рубеже 80–90-х годов, переломных для страны, для высшей школы, для человеческих судеб.

В конце 80-х — начале 90-х годов в образовательные программы Воронежского университета (раньше, чем в других вузах) были введены новые курсы: «Социология» и «Политология». На историческом факультете рождается новая специализация по политологии, переросшая потом в самостоятельное направление. Впервые в российской высшей школе читается курс «Теория и практика демократии». Это ответ на вызов времени. Его разработала и внедрила молодой кандидат наук Александра Викторовна Глухова. Этот курс она успешно ведет более двух десятков лет, непрерывно совершенствуя его. Теперь он называется «История и теория демократии».

Многообразна тематика ее научных исследований и проблематика интересов. Но лейтмотив — политические процессы и прежде всего политические конфликты. А.В. Глухова — одна из основоположников современной отечественной политической конфликтологии. Не случайно она является членом Президиума Международной ассоциации конфликтологов, членом Президиума Российской ассоциации политической науки.

Проблематика политических конфликтов, их истоков, структур и динамики была предметом ее докторской диссертации (1997 г.). Ею разработана методология исследования этого очень сложного феномена, который долгое время осторожно обходило отечественное обществознание, перебирая цитаты из наследия К. Маркса. Впервые предложена типология политических конфликтов, вызвавшая повышенный интерес политологической общественности.

Для Александры Викторовны характерно постоянное стремление к

ТРУЖЕНИК НАУКИ

Заведующая кафедрой социологии и политологии исторического факультета ВГУ профессор Александра Глухова 18 ноября отметила свой юбилей

единству научных исследований и практики преподавания. Результаты своих научных изысканий она внедряет в учебный процесс. И, наоборот, практика преподавания политической науки инициирует научные размышления. Кроме упомянутого учебного пособия «История и теория демократии», на основе исследовательской работы внедрен курс и издано учебное пособие «Политические процессы»; осуществлена научная разработка проблем политической конфликтологии — учебное пособие «Политическая конфликтология».

Обладая незаурядной эрудицией (не только по политологии), она методично ведет каждую лекцию как дискурс — диалог с социальными реалиями, прошлыми и современными мыслителями, со своими студентами и даже с собой, формируя четкую методологическую позицию в интерпретации фактов, событий, концепций. Для нее главное — не только дать студентам знания, но интеллектуальный, да и нравственный компас для того, чтобы они и сегодня, и в будущем не плутили в лабиринтах политической жизни.

Достигнув юбилейного возраста, Александра Викторовна обладает завидной работоспособностью и плодотворностью. Ею опубликовано около 400 научных и методических работ, из них 5 авторских монографий (монография «Политическая конфликтология: теоретико-методологический анализ» вышла дважды в московских издательствах), 12 коллективных, 15 учебных пособий. Ожидает издания перевод последней монографии выдающегося немецкого философа и социолога Ральфа Дарендорфа «Искушение свободой». А.В. Глухова — талантливый публицист, хорошо знакомый не только воронежцам.

Двенадцать лет она возглавляет большую и многосложную кафедру социологии и политологии. Ею подготовлено 19 кандидатов и 2 доктора политических наук. Она член трех диссертационных советов, член научного совета Российской ассоциации политической науки, председатель Воронежского отделения этой ассоциации. Активна ее деятельность как председателя комиссии по образованию Общественной палаты Воронежской области.

Александра Викторовна не замыкается в рациональных конструкциях науки, в лаборатории педагогической практики, в водоворотах общественной деятельности. Она любит музыку, равнодушна к живописи, зимой лихо крутится на коньках. Увлекается поэзией. Ее поэтические вкусы взыскательны и многоцветны. Александра Викторовна любит и умеет красиво одеваться, легко танцует, ценит товарищеское общение. Круг своих интересов, забот и дел она могла бы выразить латинской формулой: Homo sum, humani nihil a me alienum puto — я человек, ничто человеческое мне не чуждо.

Александра Викторовна многое сделала. Еще больше предстоит. Да не устанет она в новых свершениях!

✍ Валентин РАХМАНИН,
профессор, доктор
философских наук
★ Фото: Михаил Штейнберг

Окончание. Начало см. в № 1

Студенты поняли:

«Регель решил спрятать ценнейшее имущество (палеонтологический, минералогический, геологический музей, часть фундаментальной библиотеки и многое другое) и укрыть его от передачи Эстонии. Ночью к заводу подали два товарных состава, и латышские воинские части погрузили имущество на платформы, оба состава были отправлены в тупик ст[анции] Анна или Тойда, точно не помню. Из Москвы было получено правительственное распоряжение отправить имущество через Москву в Эстонию. А имущества не оказалось. Местным властям было приказано (а им все было известно) найти имущество, и Губисполком вынужден был выполнить приказ СНК. К эшелонам прицепили паровозы, и они ушли в Москву, где его приняли представители Эстонии».

За возврат университетского имущества в Эстонию был Ленин, против — Луначарский. Что-то вернули, что-то удалось оставить. Рассказывают, что умный Регель раскассировал коллекцию древностей, и теперь она составляет основу экспозиции Воронежского областного художественного музея имени И.Н. Крамского.

Коллекцией исторических ценностей Василий Эдуардович Регель гордился. Уже сдав ректорский пост, он стал заведующим Музеем изящных искусств. Гостям ВГУ Регель непременно показывал университетский музей. Мы вновь предоставим слово доценту Л.Г. Менину:

«У Регеля был сын, тоже профессор, который жил в Италии. Сын просил его приехать, Регель уже не был ректором. Тогда у власти был Муссолини. Регель обратился к местным властям с просьбой о визе на право выезда в Италию (выездной визе. — М.Ш.), обещал приехать обратно. Ему объявили, что дадут визу, если за него поручатся два члена большевистской партии. И такие нашлись, нашлись коммунисты (а они очень рисковали), которые доверяли Регелю и выдали поручительства, это были д-р Лурье, ассистент кафедры глазных болезней и, кажется, д-р Слободской, впоследствии директор Рентгеновского института. Регель вернулся. Он рассказывал, что в Италии его очень просили остаться, но он сказал, что обещал вернуться, что за него поручились два коммуниста, что он не вправе подводить людей, которые ему доверили. А ведь мог легко не вернуться? Регель находил общий язык с местными властями в серьезных вопросах и, к слову сказать, он всегда присутствовал как представитель науки, почти на всех областных съездах Советов, заседаниях Горсовета и на других торжественных собраниях, которые обычно проходили в Драматическом театре. Для него было всегда место в ложе партера».

В 1930 г. Регель уехал в Литву, в Каунас, к брату, который был заведующим Ботаническим садом. Скандала не получилось: даже став эмигрантом, Василий Эдуардович Регель остался в добрых отношениях со всеми властями! Умер он в 1932 г.

«ИСХОД ВОРОНЕЖСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ»

Предшественник Регеля на посту ректора, профессор Алексеев, ушел вместе с белыми. Тем самым на долгие десятилетия эта фигура была исключена из официальной историографии университета.

Ушел не он один. Тогда даже говорили о таком событии, как «исход воронежской интеллигенции», одним из вдохновителей этого исхода была воронежская писательница В.И. Дмитриева.

Нас это сейчас интересует по той причине, что в научных кругах Воронежа

ТОЛЧЁНЫЙ МЕЛ ПРОФЕССОРА ЦВЕТА

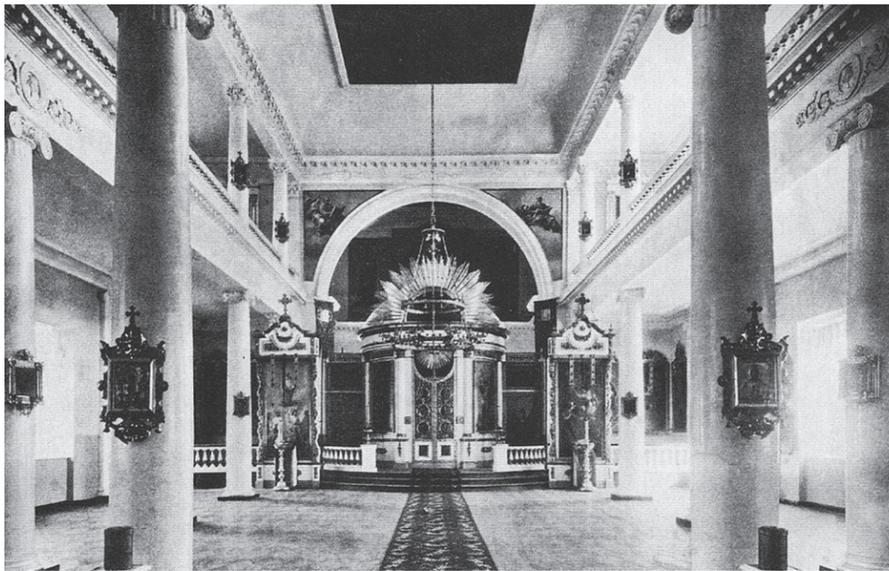
Михаил ШТЕЙНБЕРГ

тех лет ходил слух, будто бы Елена Александровна Цвет бежала к Деникину. Или собиралась бежать. Впоследствии она действительно уехала на юг, но политическим демаршем это, по всей видимости, не было. Елена Александровна уехала к своей матери, которая жила вместе с Н.С. Лященко — сестрой Михаила Семеновича. Слух есть слух, сплетня есть сплетня, но мы уже видели, какой комфортной была жизнь семьи Цвет при советской власти... Да и то сказать: после смерти профессора Цвета в Воронеже Елену Александровну Цвет уже ничто не удерживало. Конечно,

отъездом в 1915 году на юг! Теперь туда за ними специально едет Э. Ледерер. Он был и в СССР, где рассказал об удивительных опытах профессора Цвета академику А.Н. Баху, который дает задание аспиранту Манойлову освоить «новый-старый» метод хроматографического анализа. Манойлов сумел выделить из арбуза целых семь каротиноидов, а также описать превращение каротина в витамин А. Потом в Харьковском университете Н.А. Измайлов и М.С. Шрайбер разработали методику тонкопленочной хроматографии.

Первая в СССР ионообменная установка для получения глубоко обессоленной воды была спроектирована, а затем построена В.П. Мелешко и его учениками совместно с Воронежским заводом радиодеталей (ВЗР). Это позволило в дальнейшем рекомендовать ее в качестве прототипа для изготовления более 50 подобных установок на предприятиях машиностроения и оборонной промышленности. Многие из этих установок работают и сейчас.

Сегодня коллектив кафедры аналитической химии также продолжает научные традиции профессора Цвета. Здесь

Домовая церковь Воронежской военной гимназии

здесь осталась могила мужа — но возможности найти средства к существованию здесь, очевидно, у нее не было. Уехала налегке... С собой она взяла только бумаги Цвета, некоторые препараты из его лаборатории и семейные фотографии.

Умерла Елена Александровна Цвет в 1922 году. Во время Великой Отечественной войны погибли практически все вещи М.С. Цвета, за исключением нескольких фотографий.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

А хроматографический анализ уже начинал завоевывать всеобщее признание. Попытки оспорить авторство М.С. Цвета были, куда же без этого, но они не увенчались успехом. Уже к началу 1930-х гг. многие ученые активно исследовали каротиноиды, был открыт витамин А. Вот что что пишет Э. Ледерер: «В книге Пальмера "Каротиноиды и пигменты" <...> упоминалось о методе Цвета и некоторых его применениях. Я рассказал об этом Куну, у которого, к счастью, был немецкий перевод книги Цвета, сделанный Вильштетером. Именно из этой рукописи мне удалось почерпнуть все необходимые детали. В декабре 1930 года я приготовил колонку, заполненную порошком карбоната кальция...». Так Р. Кун в Гейдельберге воспроизвел опыт профессора М.С. Цвета. Тогда же методом Цвета в своих экспериментах воспользовались Л. Цейхмейстер (Венгрия) и П. Каррер (Швейцария).

А тем временем в Варшаве так и лежали рабочие тетради М.С. Цвета, которые он оставил там перед своим

На Западе ученые Дэвидсон и Чардафф сделали еще один шаг вперед, применив в качестве адсорбента ионообменные смолы; Мартин и Синг разработали метод распределительной хроматографии и теорию хроматографических процессов.

Как прав был академик Л.Д. Ландау, который сказал, что метод важнее, чем открытие, потому что открытие — это нечто разовое, а с помощью нового метода можно совершить много открытий! Сегодня метод профессора М.С. Цвета применяется в химии и биохимии, медицине, ядерной физике, фармацевтике... По результатам этих работ было получено *восемь Нобелевских премий* — П. Каррером (1937), Р. Куном (1939), Л.С. Ружичкой и А.Ф. Бутенандтом (1939), А. Дж. Мартином и Р.Л.М. Сингом (1952), Ф. Сенгером (1958 и 1980).

В Воронеже традиции исследования химических веществ хроматографическим методом нашли свое продолжение в работах ученых ВГУ. Первым из них следует назвать профессора В.П. Мелешко, ставшего основателем современной воронежской школы ионитчиков — так на химфаке в шутку называют ученых, которые работают в этом направлении. Они много лет посвятили исследованиям закономерностей ионного обмена, выделению веществ из различных органических отходов, утилизации ценных компонентов из отработанных электролитов и сточных вод гальванического производства, получению и концентрированию микрокомпонентов из отходов микробиологического пищевого производства.

Она же — в качестве читального зала ВГУ

проводятся исследования, связанные с изучением закономерностей ионного обмена и мембранных процессов. Эти работы ведутся под руководством профессоров В.Ф. Селеменова, В.А. Шапошника, О.В. Бобрешовой, Д.Л. Котовой и Е.В. Бутырской. Много лет кафедра является ведущей организацией в секции «Ионообменная хроматография» в Российской академии наук. Выходит журнал «Сорбционные и хроматографические процессы», в котором печатаются работы отечественных и зарубежных исследователей.

История хроматографического анализа продолжается!

А могила М.С. Цвета, как мы уже знаем, давно утрачена.

Стараниями московского профессора К.И. Сакодынского на территории Алексиево-Акатова монастыря был установлен памятный знак с надписью, сделанной на диковинной смеси старой и новой орфографий.

Улицу Халютинскую давно переименовали в Батурическую — в честь Н.Н. Батурина (настоящая фамилия Замятин), революционера, историка коммунистического движения, одного из редакторов газеты «Правда» еще с дореволюционным стажем. Вот уж правильно говорят, что «бывают странные сближенья»: генерал Халютин, герой войны 1812 года, участвовал в подавлении польского восстания, а Замятин-Батурин был в польскую кампанию начальником Отдела военной цензуры Реввоенсовета Республики. Понятно, что улицы, названной в честь Михаила Семеновича Цвета, нет в Воронеже до сих пор.

